ПЕРВЫЯ ЛЕКЦІИ

ПО ИСТОРІИ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЧИТАНЫ

экстра-ординарнымъ профессоромъ московскаго университета

Свящ. А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),

на Страстномъ бульварѣ.

1872.

Изданіе редакціи *Православнаго Обозрѣнія.*

Печатать позволяется. Москва, октября 5 дня 1872 года.
Цензоръ Протоіерей *С. Зерновъ.*

ПЕРВЫЯ ЛЕКЦІИ
ПО ИСТОРІИ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ
ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

I.

Приступая къ изложенію исторіи христіанской церкви съ университетской каѳедры, я считаю не лишнимъ высказать предварительно нѣсколько общихъ мыслей о постановкѣ своей науки въ университетскомъ курсѣ, о предметѣ и направленіи своихъ будущихъ чтеній. Изъясненіемъ этихъ мыслей я желалъ бы съ самаго начала поставить на судъ моихъ достопочтенныхъ сотоварищей и слушателей, насколько правильно я понимаю ту задачу, которую долженъ выполнить на этой каѳедрѣ.

Прежде всего мнѣ кажется, что преподаваніе церковной исторіи въ русскомъ университетѣ должно имѣть нѣсколько иную постановку, чѣмъ какую оно имѣетъ въ заграничныхъ университетахъ, гдѣ богословскія науки образуютъ свой особенный факультетъ, или въ нашихъ спеціальныхъ высшихъ богословскихъ заведеніяхъ—въ духовныхъ академіяхъ.

Тамъ, гдѣ церковная исторія стоитъ въ большомъ кругу другихъ богословскихъ наукъ, изъ нея выдѣляются цѣлыя

части, цѣлые отдѣлы въ спеціальныя самостоятельныя науки. Такъ напр. изслѣдованіе самыхъ первыхъ и важнѣйшихъ памятниковъ христіанской исторіи, новозавѣтныхъ книгъ Священнаго Писанія составляетъ особую науку—исторію или критику новозавѣтнаго канона или такъ-называемую новозавѣтную библейскую исагогику, введеніе въ новозавѣтныя книги Свящ. Писанія. Обозрѣніе дальнѣйшихъ памятниковъ христіанской письменности составляетъ также особую науку—патрологію или исторію церковной литературы. Постепенное раскрытіе христіанскаго вѣроученія въ вѣроопредѣленіяхъ церкви, писаніяхъ церковныхъ учителей и въ богословской наукѣ, въ соприкосновеніи и борьбѣ православныхъ христіанскихъ воззрѣній съ неправильными пониманіями и толкованіями христіанства, составляетъ предметъ исторіи догматовъ. Исторія внутренней и внѣшней организаціи церкви, какъ видимаго исторически развивающагося общества и учрежденія, находящагося въ извѣстныхъ соотношеніяхъ съ другими человѣческими обществами и учрежденіями, исторія церковнаго законодательства и управленія, въ связи съ важнѣйшими вопросами о вліяніи церкви на государство и государства на церковь, раскрываются въ наукѣ церковнаго права. Образованіе и развитіе христіанскаго обряда, устройство церковнаго богослуженія разсматриваются также въ особыхъ наукахъ—церковной археологіи, литургикѣ, исторіи христіанскаго искусства и т. д. Церковная географія, церковная статистика въ хорошемъ развитіи богословскаго курса образуютъ также отдѣльныя самостоятельныя науки, находящіяся въ существенной связи съ преподаваніемъ церковной исторіи, но не входящія въ нее непосредственно. При такомъ выдѣленіи изъ церковной исторіи цѣлыхъ отдѣловъ въ особыя науки, задача самой церковной исторіи конечно значительно сокращается и упрощается. Имѣя для своего предмета важнѣйшее пособіе въ цѣломъ рядѣ другихъ наукъ, въ которыхъ спеціально разсматриваются существеннѣйшія основанія—важнѣйшіе внутренніе факторы церковной жизни—догматъ, обрядъ, церковное право, священный

канонъ, церковная письменность — историкъ церкви можетъ полнѣе и опредѣленнѣе сосредоточить свое вниманіе на разсмотрѣніи самыхъ *явленій* церковно-исторической жизни въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, такъ-называемыхъ событій, фактовъ церковной исторіи, и преимущественно съ тѣхъ ея сторонъ, въ которыхъ она всего болѣе видимо соприкасается съ общею исторіею человѣчества. Сюда относятся главнымъ образомъ: исторія распространенія христіанства между различными народами, столкновеній и борьбы его съ другими религіями и всякими враждебными ему силами въ народной жизни,—далѣе исторія вліянія христіанства на общество, постепеннаго распространенія христіанскихъ началъ въ жизни общественной и постепеннаго измѣненія жизни общественной подъ вліяніемъ христіанства, — первоначальное установленіе и дальнѣйшія видоизмѣненія отношеній церкви къ государству и другимъ общественнымъ силамъ, происходящіе отсюда результаты и столкновенія въ исторической жизни народовъ, важнѣйшія событія во внутренней исторіи самой церкви, процвѣтаніе и упадокъ, раздоры и примиренія, соединенія и раздѣленія въ христіанскомъ обществѣ, борьба православія, какъ внѣшней церковно-общественной силы, съ еретическими и раскольническими сектами, какъ противодѣйствующими ему религіозно-общественными партіями,—обозрѣніе исторической судьбы важнѣйшихъ частныхъ церковныхъ учрежденій — іерархіи, монашества, церковныхъ соборовъ, духовныхъ школъ,—наконецъ характеристика замѣчательнѣйшихъ дѣятелей церковно-исторической жизни — личностей, пріобрѣтшихъ себѣ особенную извѣстность высокими подвигами въ распространеніи христіанства, въ самоотверженной борьбѣ за него, въ раскрытіи и утвержденіи христіанскаго ученія, въ устройствѣ церковнаго богослуженія, іерархіи и т. д.,— наконецъ людей, особенно прославившихся въ подвигѣ личнаго нравственнаго усовершенствованія, внутренней борьбы съ страстями и похотями, которая также въ жизни церковной, какъ думаемъ и вообще въ жизни человѣчества

имѣетъ не личное только, частное, но общее историческое значеніе, сопровождаясь важными нравственными результатами для жизни другихъ людей, для жизни цѣлаго общества, для жизни человѣчества. Сюда принадлежитъ такимъ образомъ въ собственномъ смыслѣ область видимыхъ фактовъ—внѣшнихъ по преимуществу явленій или событій церковно-исторической жизни.

Мы хорошо знаемъ, что въ исторіи вообще, и въ церковной исторіи болѣе, чѣмъ во всякой другой (потому что она по преимуществу есть раскрытіе духовныхъ силъ и началъ во внѣшнихъ фактахъ) невозможно вполнѣ строго отдѣлить внутреннюю сторону отъ внѣшней, видимыя событія и факты отъ внутреннихъ основаній и факторовъ, выражающихся въ нихъ. Нельзя излагать внѣшнюю исторію церкви, не касаясь внутреннихъ основаній церковной жизни,—и обратно. Излагая исторію внѣшняго распространенія христіанства и видимаго вліянія его на общество, нельзя не войти хоть сколько нибудь въ объясненіе самой сущности началъ христіанскихъ. Разсматривая борьбу церкви съ какою-нибудь ересью, нельзя не коснуться самаго догмата, или обряда, или церковнаго канона, служившаго предметомъ для этой борьбы. Обозрѣвая замѣчательнѣйшія перемѣны въ исторической судьбѣ церковной іерархіи, нельзя не обращаться къ внутреннимъ основаніямъ церковнаго права. И наоборотъ ни раскрытіе христіанскаго вѣроученія въ исторіи догматовъ и положительномъ богословіи, ни раскрытіе церковнаго права въ каноникѣ, ни раскрытіе христіанскаго обряда въ археологіи и литургикѣ не можетъ имѣть твердой постановки на совершенно отвлеченной почвѣ, безъ всякаго обращенія къ историческимъ фактамъ, въ связи съ которыми въ самой жизни церковной раскрывались догматъ, обрядъ, право и т. д. Поэтому и тамъ, гдѣ церковная исторія, церковная археологія, церковное право, исторія догматовъ, патрологія и т. д. стоятъ одна подлѣ другой, какъ самостоятельныя, восполняющія одна другую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльныя одна отъ другой науки, — и тамъ

нельзя вполнѣ строго разграничить области этихъ наукъ одну отъ другой. И тамъ церковный историкъ необходимо вводитъ въ изложеніе своего предмета многое изъ каноники, археологіи, патристики и т. д. И въ свою очередь излагатели этихъ частныхъ наукъ—каждый раскрываетъ свой отдѣльный предметъ на общей церковно-исторической почвѣ.

Но когда говорится съ одной стороны объ общемъ единствѣ *всѣхъ или многихъ* наукъ въ ихъ основныхъ началахъ *и задачахъ*, съ другой стороны о самостоятельности каждой отдѣльной науки въ ея спеціальной области предметовъ и методѣ изслѣдованія, — всегда говорится объ этомъ болѣе или менѣе относительно—сообразно съ степенью развитія научнаго знанія въ данное время, сообразно съ постановкою и цѣлями извѣстнаго учебнаго курса и другими частными условіями. Въ этомъ конечно смыслѣ, примѣнительно къ извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени, мы и говоримъ, что тамъ, гдѣ преподаваніе церковной исторіи стоитъ въ связи съ преподаваніемъ другихъ богословскихъ наукъ — съ цѣлымъ курсомъ ихъ, тамъ, гдѣ изъ церковной исторіи нѣсколько частныхъ отдѣловъ выдѣляются и организуются въ особыя науки, тамъ, гдѣ самые основные внутренніе факторы церковно-исторической жизни (догматъ, обрядъ, церковное право и т. д.) спеціально разсматриваются въ отдѣльныхъ наукахъ: тамъ церковному историку нѣтъ надобности много вдаваться въ обслѣдованіе тѣхъ же факторовъ. Ему достаточно при этихъ условіяхъ, воспользовавшись главными общими результатами, выработанными въ другихъ спеціальныхъ наукахъ, и предполагая многое въ основаніяхъ и пособіяхъ для своего предмета уже извѣстнымъ своимъ слушателямъ изъ другихъ источниковъ — съ другихъ каѳедръ, сосредоточить свое вниманіе на непосредственной своей области—на разсмотрѣніи явленій церковно-исторической жизни въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Не таково положеніе церковной исторіи въ русскомъ университетѣ Здѣсь она стоитъ одиноко. Здѣсь нѣтъ кругомъ ея наукъ вспомогательныхъ, пополняющихъ ея содержаніе, или

спеціально изслѣдующихъ отдѣльныя ея отрасли. Здѣсь нѣтъ ни церковной археологіи, ни патрологіи, ни исторіи догматовъ, ни исторіи канона свящ. книгъ. Изложеніе церковнаго права составляетъ предметъ особой науки, но на другомъ факультетѣ для другихъ слушателей. Исторія раскрытія христіанскаго вѣроученія, свѣдѣнія о новозавѣтномъ священномъ канонѣ входятъ конечно въ извѣстной степени въ преподаваніе богословія; но нельзя думать, чтобы тамъ давалось имъ много мѣста; тамъ много своего спеціальнаго дѣла, при не очень широкомъ также объемѣ курса. Поэтому здѣсь, по нашему разумѣнію, церковный историкъ, кромѣ непосредственной своей задачи, долженъ взять на себя въ нѣкоторой степени задачи другихъ спеціальныхъ наукъ, которыя находятся въ ближайшей связи съ церковною исторіею, безъ которыхъ невозможно основательное пониманіе церковной исторіи. Здѣсь въ преподаваніе церковной исторіи въ значительной степени должны войти и исторія канона священныхъ книгъ, и исторія церковной письменности, исторія развитія догматовъ, церковныхъ обрядовъ, церковнаго устройства и т. д.

Мы думаемъ даже, что на эту собственно внутреннюю сторону церковно-историческаго развитія намъ нужно обратить больше вниманія, чѣмъ на обозрѣніе внѣшнихъ явленій церковно-исторической жизни, такъ-называемыхъ событій, замѣчательныхъ фактовъ. Въ обозрѣніи внѣшнихъ замѣчательныхъ событій церковной жизни, мы думаемъ, скорѣе можемъ найти здѣсь значительное пособіе или восполненіе своему дѣлу. Во первыхъ къ университетскому изложенію церковной исторіи нѣкоторую подготовку представляетъ конечно преподаваніе церковной исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которое и держится главнымъ образомъ на почвѣ внѣшнихъ явленій—замѣчательныхъ фактовъ церковной жизни, и едва ли можетъ идти далѣе внѣшнихъ явленій. Во вторыхъ, церковная исторія, являясь въ университетскомъ преподаваніи изолированною отъ круга другихъ богословскихъ наукъ, поставляется здѣсь въ ближайшую связь съ другимъ широкимъ кругомъ—наукъ

обще-историческихъ. При той широкой постановкѣ, какую имѣетъ здѣсь преподаваніе общей исторіи, нужно думать, что въ ней дается значительное мѣсто и важнѣйшимъ фактамъ церковной жизни; такъ какъ факты церковной жизни несомнѣнно не съ церковной только, но съ общечеловѣческой и строго научной точки зрѣнія, имѣютъ очень большое значеніе въ исторіи человѣчества, и находятся въ тѣсной связи съ другими сферами ея — политическою, нравственною, научною и т. д. Мы не можемъ предположить, чтобы общая исторія, поставляющая своею задачею возможно полное и всестороннее объясненіе смысла жизни народной и общечеловѣческой, обходила молчаніемъ такіе важные факты, какъ исторію распространенія христіанства у различныхъ народовъ, исторію важнѣйшихъ церковныхъ раздѣленій и споровъ, отражавшихся громадными послѣдствіями въ самой политической жизни народовъ, замѣчательныхъ личностей между представителями церкви, имѣвшихъ большое вліяніе не только на религіозную, но и на общественную и государственную жизнь своей эпохи,— исторію отношеній между церковію и государствомъ и другими общественными силами, происходящихъ отсюда важнѣйшихъ результатовъ для народной жизни, различныхъ недоразумѣній, столкновеній и т. д. Но при всей нашей увѣренности въ достойномъ вниманіи со стороны обще-исторической науки къ важнѣйшимъ явленіямъ и фактамъ церковной жизни, мы не можемъ надѣяться, чтобы это вниманіе шло далѣе крупныхъ явленій и фактовъ, въ изслѣдованіе самыхъ основныхъ идей и внутреннихъ началъ церковной жизни—въ раскрытіе догмата, обряда, церковнаго права, въ спеціальное обозрѣніе церковной литературы. Во первыхъ, у общихъ историковъ, и кромѣ этого, очень много своего ближайшаго дѣла. Во вторыхъ, при томъ поистинѣ громадномъ количествѣ научныхъ матеріаловъ и пособій, какими обладаютъ не только всѣ вмѣстѣ помянутыя науки, но и каждая изъ нихъ въ отдѣльности, и еще при той особенности пріемовъ, какую имѣютъ въ области своего изслѣдованія богословскія науки, точно также, какъ и

всякія другія,—необходимы для основательнаго изслѣдованія этихъ наукъ и особыя спеціальныя занятія и особая предварительная подготовка—цѣльное и основательное богословское образованіе.

Широка и необозримо сложна жизнь человѣчества, и много самыхъ разносторонпихъ свѣдѣній и талантовъ, едва ли соединимыхъ въ лицѣ одного хотя бы самаго даровитаго и многосторонняго ученаго, требуется, чтобы возможно полнѣе и живѣе воспроизвести и объяснить смыслъ ея. Есть въ исторіи такія стороны, для пониманія которыхъ нужны по преимуществу талантъ и знанія политика-историка или философа-историка,—есть другія, для которыхъ требуются талантъ и знанія филолога, эстетика, физіолога, естествепника, экономиста-историка и т. д. Нужно признать, что есть въ исторіи и такія стороны, для правильнаго разумѣнія и истолкованія которыхъ нужны мысль и спеціальныя знанія богослова-историка. На этомъ основаніи можно надѣяться, что достопочтенная корпорація представителей историческаго знанія благосклонно приметъ въ свой составъ богослова-историка, не какъ лишняго члена, въ чемъ-либо могущаго стѣснять работы другихъ членовъ корпораціи, но какъ необходимаго сотрудника, для котораго на общемъ широкомъ полѣ историческаго изученія есть свой уголъ, уголъ—позволю себѣ сказать—еще мало початый у насъ въ нашемъ общественномъ развитіи—на самой высшей его ступени, въ сферѣ университетскаго образованія. Задача церковнаго историка въ ряду другихъ представителей историческаго знанія, по моему разумѣнію, должна именно состоять въ томъ, чтобы, не мѣшаясь въ чужія дѣла, внимательно дѣлать свое дѣло въ такомъ направленіи, чтобы оно служило полезнымъ пособіемъ и восполненіемъ и къ трудамъ другихъ въ общей работѣ историческаго изслѣдованія.

II.

Опредѣливъ общее положеніе своего предмета примѣнительно къ условіямъ университетскаго курса, и отношенія его къ ряду другихъ богословскихъ и историческихъ наукъ, войдемъ теперь ближе въ самое содержаніе своей науки: представимъ общій очеркъ церковно-исторической жизни по главнѣйшимъ періодамъ ея развитія,—чтобы опредѣленнѣе уяснить для себя по крайней мѣрѣ въ принципѣ, на какихъ періодахъ церковной исторіи намъ по преимуществу нужно остановиться, и на какія явленія, на какія характеристическія свойства въ нихъ нужно обратить особенное вниманіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что самый важный періодъ въ христіанской исторіи есть именно первый періодъ ея—періодъ первоначальнаго образованія и распространенія церкви,—періодъ, начинающійся исторіею земной жизни Основателя церкви Іисуса Христа и первыхъ ея распространителей—св. апостоловъ, и продолжающійся до того времени, пока церковь, постоянно возраставшая подъ гнетомъ внѣшнихъ преслѣдованій, не получила наконецъ господства въ величайшей изъ монархій древняго міра — въ римской имперіи. Въ этомъ періодѣ въ наибольшей степени ясности и первобытной чистоты, внѣ смѣшенія со всякими другими элементами, выразились высшія нравственныя начала и силы церкви. Церковь въ это время является въ исторіи по истинѣ существомъ или учрежденіемъ не отъ міра сего, не имѣющимъ для себя никакой опоры въ господствующихъ силахъ міра—въ до-христіанскихъ религіяхъ, въ до-христіанскомъ государствѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ правахъ и обычаяхъ народныхъ—во всей до-христіанской жизни и цивилизаціи. Мало того, она имѣетъ противъ себя всѣ господствующія силы міра, противъ нея выступаютъ съ крайнею степенью напряженія и ожесточенія—и древнія религіи, и государство, и наука, и народныя понятія, нравы, привычки, страсти и т. д... И при всемъ томъ, не

имѣя для себя никакой внѣшней опоры, слабая на первыхъ порахъ своимъ положеніемъ въ мірѣ и числомъ своихъ послѣдователей, подъ гнетомъ всякихъ стѣсненій, униженій и преслѣдованій, церковь успѣваетъ, въ продолженіе извѣстнаго времени, силою однихъ присущихъ ей нравственныхъ началъ не только устоять въ вѣковой борьбѣ противъ враждебныхъ стихій, не только преодолѣть ихъ, преклонить предъ собою,— но и гораздо болѣе—положить начало ихъ внутреннему нравственному переосозданію по своему духу, положить начало новой христіанской государственности, новой наукѣ, новымъ понятіямъ, правамъ, новому обществу, новой христіанской исторіи и цивилизаціи. Здѣсь нравственныя силы христіанства выказались въ такой энергіи и чистотѣ, въ какой никогда въ исторіи — ни прежде, ни послѣ — не бывало обнаруженія нравственныхъ силъ... Это — славное, классическое время христіанства, время самоотверженной апостольской ревности и необычайной силы духа, удивительнаго мученическаго героизма, идеальной чистоты нравовъ въ христіанскомъ обществѣ, идеальнаго общественнаго устройства, идеально простыхъ и чистыхъ отношеній,—это то время, когда христіане, по выраженію одного древнѣйшаго памятника христіанской письменности (посланія къ Діогнету) жили на землѣ, но какъ граждане неба. Здѣсь мы найдемъ не въ отдѣльныхъ только личностяхъ, но въ цѣломъ общественномъ строѣ обнаруженіе всего того, что только есть лучшаго, возвышеннѣйшаго, благороднѣйшаго въ человѣческой природѣ, что по преимуществу составляетъ зиждительную силу, идеальную сторону въ исторіи человѣчества... Мало этого; нужно сказать, здѣсь явнымъ образомъ— наиболѣе явнымъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ періодѣ и явленіи исторіи,—выступаетъ предъ нами не только обнаруженіе лучшихъ нравственныхъ силъ человѣческой природы, но и поистинѣ чудесное дѣйствіе Божественной силы въ жизни человѣчества. Но съ другой стороны здѣсь мы увидимъ во всей ясности, какъ въ замѣчательномъ типическомъ отображеніи, и проявленіе всего того, что составляетъ тѣневую

сторону исторіи,—увидимъ, какъ вмѣстѣ съ чудеснымъ обнаруженіемъ Божественной силы и лучшихъ свойствъ человѣческой природы можетъ проявляться въ жизни и дѣйствіе самыхъ дурныхъ страстей,—какъ злая нравственная порча можетъ находить себѣ мѣсто въ самомъ чистомъ и деальномъ состояніи и устройствѣ общества, какъ вмѣстѣ съ самымъ свѣтлымъ откровеніемъ истины и даже подъ ея покровомъ могутъ распространяться въ человѣчествѣ самыя темныя и грубыя заблужденія... Исторія христіанства первыхъ трехъ вѣковъ имѣетъ въ себѣ много особеннаго, чего никогда не бывало прежде, и чего никогда не повторялось въ позднѣйшія историческія эпохи. При всемъ томъ, изслѣдованіе ея имѣетъ очень большое значеніе и для разъясненія многихъ явленій въ послѣдующихъ эпохахъ развитія какъ жизни церковной, такъ и общей жизни человѣчества. Жизнь церковная, какъ она существуетъ до настоящаго времени въ христіанскихъ обществахъ, имѣетъ здѣсь свой корень. Здѣсь начало всей церковной организаціи — начало раскрытію христіанскихъ догматовъ, утвержденію канона священныхъ книгъ, образованію обрядовъ, установленію первыхъ началъ церковнаго законодательства и управленія. И все это представляется здѣсь въ такой первобытной чистотѣ и простотѣ, которая, правда, не можетъ быть примѣняема съ формальною точностію къ состоянію и условіямъ церковнаго развитія послѣдующихъ временъ, но которая всегда останется высшимъ идеаломъ для послѣдующаго церковнаго развитія,— и вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъ мѣриломъ, по которому всякое позднѣйшее христіанское общество можетъ повѣрять себя и удостовѣряться, на сколько оно осталось вѣрнымъ чистому христіанскому духу и первобытному развитію христіанства. И мало того, въ этомъ періодѣ мы находимъ не только первые залоги, первобытныя начала для послѣдующаго развитія жизни собственно церковной; но здѣсь же находимъ мы лучшія и чистѣйшія начала для развитія жизни человѣчества и въ другихъ сферахъ, не относящихся непосредственно къ

сферѣ церковной. Многія идеи, многія начала, первоначально сознанныя и провозглашенныя въ христіанствѣ въ то время, и потомъ на нѣсколько вѣковъ какъ будто оставленныя, заглохшія, не имѣвшія практическаго осуществленія въ исторіи, вновь возникаютъ и развиваются въ жизни человѣчества въ позднѣйшія эпохи, иногда какъ будто и совершенно помимо непосредственнаго вліянія церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что и на будущее время этотъ источникъ много еще дастъ человѣчеству новыхъ доселѣ пока недостаточно сознанныхъ и оцѣненныхъ добрыхъ залоговъ къ истинному и высокому, сообразному съ назначеніемъ человѣчества, развитію. Наконецъ изученіе перваго періода христіанской исторіи представляетъ еще особенную важность въ томъ отношеніи, что на немъ по преимуществу сосредоточивается вниманіе и интересъ науки въ новѣйшее время. Вопросы о происхожденіи христіанства и отношеніи его къ до-христіанскому міру, объ историческомъ значеніи первыхъ памятниковъ христіанской письменности, о личности и жизни Основателя христіанской религіи, первыхъ распространителей и устроителей церковной жизни, о первобытномъ устройствѣ церкви, о первоначальномъ развитіи христіанской мысли, о происхожденіи первыхъ раздѣленій, разнообразныхъ направленій и сектъ въ христіанствѣ и ихъ вліяніи на дальнѣйшее развитіе христіанской исторіи — это важнѣйшіе вопросы въ исторической наукѣ новѣйшаго времени, вопросы, безъ разъясненія которыхъ не только не было бы возможно правильное освѣщеніе дальнѣйшихъ фактовъ христіанской исторіи, но и остался бы существеннѣйшій пробѣлъ въ пониманіи всей исторіи человѣчества. На этой почвѣ между прочимъ идетъ въ послѣднее время и самая горячая борьба между замѣчательнѣйшими представителями христіанской науки и враждебнаго христіанству направленія,—такъ что здѣсь рѣшеніе вопросовъ въ ту или другую сторону сопровождается важнѣйшими послѣдствіями не только для отвлеченно-научныхъ цѣлей и интересовъ, но и для всего христіанскаго общественнаго сознанія, и для практической жизни христіан-

ской. Объ этихъ вопросахъ пишутся чуть не ежегодно десятки и многіе десятки ученѣйшихъ разсужденій и изслѣдованій тамъ, гдѣ по преимуществу развивается церковно-историческая и всякая другая наука. Посильнымъ разъясненіемъ этихъ вопросовъ, которымъ и начнется наше изложеніе церковной исторіи въ нынѣшнемъ году, по возможности осмысленною и безпристрастною передачею хотя главныхъ результатовъ, добытыхъ наукою на этомъ пути,—мы думаемъ, окажется существеннѣйшее пособіе солидному историческому образованію.

Далѣе идетъ въ развитіи жизни церковной на пять вѣковъ (съ 4 до 9 вѣка) новый періодъ — такъ-называемый періодъ вселенскихъ соборовъ. Этотъ періодъ во многомъ представляетъ явленія иного характера, чѣмъ первый, но имѣетъ съ нимъ тѣсную связь, и также очень важенъ для исторіи. Въ первые три вѣка христіанства нравственныя силы церкви развивались, какъ мы сказали, внѣ связи съ государствомъ, съ наукою, съ искусствомъ и со всею цивилизаціею древняго міра; теперь церковь вступаетъ въ ближайшій союзъ съ государствомъ — съ обширнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ государствомъ древняго міра, и раскрываетъ свою жизнь на всей широтѣ древней классической цивилизаціи, въ послѣднемъ періодѣ ея развитія. Отсюда раскрывается въ жизни церковной цѣлый рядъ новыхъ явленій; жизнь церкви, сохраняя внутренніе нравственные залоги для своего развитія, начинаетъ при этомъ блистательно раскрываться и съ внѣшней стороны—со стороны ея соприкосновенія съ міромъ. Періодъ убожества, уничиженія, преслѣдованій кончился для церкви; насталъ новый періодъ торжества, господства, славы, силы, богатства. Въ тѣсномъ союзѣ съ государственною силою церковь не только быстро расширяется въ числѣ своихъ членовъ и вытѣсняетъ остатки язычества въ предѣлахъ греко-римской имперіи, но и распространяетъ свое вліяніе, какъ необходимое, неизбѣжное вліяніе новой исторической силы — вліяніе не только нравственное, но и политическое, на окрестныя

ближайшія и дальнѣйшія страны и народы. Въ близкомъ соприкосновеніи съ древне-классическою наукою и литературою развивается богатѣйшая христіанская наука и литература. Философскій геній классическаго міра, съ такою силою выразившій себя нѣкогда въ Пиѳагорѣ, Сократѣ, Платонѣ, Аристотелѣ, Цицеронѣ, Сенекѣ и другихъ древнихъ мудрецахъ Греціи и Рима, вновь проявляетъ себя съ замѣчательною силою въ области христіанскихъ идей—въ великихъ Учителяхъ церкви Аѳанасіѣ, Василіѣ, Григоріѣ, Златоустѣ, Августинѣ и др. И художественный геній классическаго міра, создавшій прекрасныя произведенія въ древней поэзіи и пластикѣ, нашелъ приложеніе своей еще не изжившейся силѣ въ созиданіи и украшеніи христіанскаго храма и богослуженія—въ архитектурѣ церковныхъ зданій, въ символической торжественности христіанскихъ обрядовъ, въ высокой поэзіи церковныхъ пѣснопѣній и т. д... Наконецъ не остался безполезнымъ для развитія церковной жизни и богатый политическій опытъ и замѣчательный административный геній греко-римскаго міра; при содѣйствіи этого опыта и генія внѣшняя организація церкви слагается на прочномъ формальномъ началѣ; на всѣ важнѣйшіе случаи и отношенія церковной жизни устанавливаются твердыя опредѣленныя правила; созидается церковное право... Но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ ближайшаго соприкосновенія церкви съ міромъ открывается въ жизни церковной и гораздо болѣе, чѣмъ прежде, тѣневыхъ сторонъ. Внутренняя жизнь церкви какъ будто въ значительной степени подавляется слишкомъ сильнымъ внѣшнимъ развитіемъ ея; сила духа какъ будто часто уходитъ во внѣшнія формы, борьба лжи съ истиной становится напряженнѣе, входитъ ближе во внутреннюю жизнь церкви, и временами какъ будто грозитъ низпроверженіемъ и подавленіемъ истинѣ. Сильная нравственная испорченность омрачаетъ чистоту христіанскаго идеала въ жизни общественной, и нерѣдко приводитъ къ убѣжденію, какъ будто въ христіанскомъ обществѣ вновь ожилъ языческій міръ со всѣми его страстями и пороками. Въ связи съ

послѣднимъ явленіемъ возникаетъ въ жизни церковной новое учрежденіе, перенесшее высоту христіанскаго идеала изъ міра въ пустыню—монашество, и скоро вновь изумляетъ міръ высокимъ проявленіемъ нравственныхъ силъ, пріобрѣтаетъ важнѣйшее вліяніе въ церкви, и закрѣпляетъ за собою важнѣйшее значеніе для послѣдующаго развитія церковной жизни... Изученіе этого періода церковной исторіи представляетъ также для историка величайшую важность и очень большой интересъ. Какъ первый періодъ христіанской исторіи по внутреннему нравственному развитію силъ церкви представляется идеаломъ для временъ послѣдующихъ; такъ этотъ второй періодъ имѣетъ особенную важность по внѣшнему развитію и устроенію, по внѣшней организаціи жизни церковной. Существующія христіанскія общества различно относятся къ этой организаціи церковной. Въ однихъ обществахъ (православныхъ—восточныхъ) во всей почти неизмѣнной цѣлости и неприкосновенности сохраняется и удерживается строй церковной жизни, выработавшійся въ церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Въ другихъ обществахъ (римско-католическихъ) къ древней церковной организаціи прибавлено много новаго въ позднѣйшія времена. Въ третьихъ наконецъ (въ протестантскихъ) обществахъ формы древней церковной организаціи сокращены и упрощены въ самой значительной степени—до весьма важныхъ искаженій и измѣненій. Но тѣмъ не менѣе въ существенныхъ своихъ началахъ эти древнія формы церковной жизни признаются основаніемъ для дальнѣйшаго развитія ея всѣми значительными христіанскими обществами. Древніе символы и вѣроопредѣленія остаются доселѣ лучшими и наиболѣе точными образцами правильнаго пониманія и выраженія основныхъ христіанскихъ истинъ. Каноны древнихъ вселенскихъ соборовъ для позднѣйшаго церковнаго права во всѣхъ христіанскихъ обществахъ, не исключая и протестантскихъ, имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ древне-римское государственное право для гражданскаго законодательства новыхъ христіанскихъ народовъ. Безъ изученія твореній вели-

кихъ отцовъ древней церкви нельзя сдѣлать серьезнаго шага въ христіанскомъ богословіи. Древніе церковные обряды, молитвы, пѣснопѣнія также всѣми безпристрастными цѣнителями дѣла признаются лучшими формами для выраженія христіанской идеи, для возбужденія и воспитанія христіанскаго чувства. Въ отношеніяхъ церкви къ государству сложился съ IV вѣка такой строй, который также въ основныхъ своихъ началахъ остается нормою для дальнѣйшаго развитія этихъ отношеній. Ибо какъ ни разнообразились эти отношенія въ дальнѣйшіе періоды церковной исторіи въ различныхъ христіанскихъ обществахъ и государствахъ,—какъ ни разнообразны они въ настоящее время въ различныхъ церквахъ и странахъ—въ церкви православной, католической и протестантской,—въ Россіи, Германіи, Франціи, Италіи, Англіи, Америкѣ,—въ основѣ своей эти отношенія всегда устроялись и доселѣ устрояются на началахъ выработавшихся въ византійской имперіи и церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. И въ тѣхъ христіанскихъ обществахъ, которыя по принципу отрицаютъ обязательное значеніе для себя церковнаго строя сложившагося въ этотъ періодъ, и болѣе стараются подражать древнѣйшимъ формамъ церковнаго строя первыхъ трехъ вѣковъ (какъ въ большей части обществъ протестантскихъ),—и въ тѣхъ обществахъ, гдѣ по принципу совершенно отрицается повидимому всякій союзъ между церковью и государствомъ (какъ въ Сѣверной Америкѣ),—и въ такихъ даже странахъ, гдѣ церковь, подобно христіанскому обществу первыхъ трехъ вѣковъ, находится у государства иновѣрнаго подъ игомъ—въ порабощеніи (какъ напр. въ турецкой имперіи), внѣшнее юридическое положеніе церкви и отношенія ея къ государству въ сущности гораздо болѣе подходятъ къ тѣмъ отношеніямъ, какія установились въ византійской имперіи временъ вселенскихъ соборовъ, нежели къ тѣмъ, какія существовали въ древней римской имперіи въ первые три вѣка христіанской исторіи. Наконецъ весьма много поучительнаго представляетъ для исторіи изученіе даже и тѣневыхъ сторонъ церковной жизни въ оз-

наченномъ періодѣ ея развитія—сторонъ, образовавшихся вслѣдствіе близкихъ соотношеній церкви съ міромъ—съ государствомъ, обществомъ, современною еще пропитанною языческимъ духомъ наукою, искусствомъ и т. д. Здѣсь въ поученіе всѣмъ дальнѣйшимъ временамъ всего яснѣе представляется, какія благопріятныя и какія неблагопріятныя послѣдствія для церковной жизни, по самому существу дѣла, могутъ развиваться и необходимо должны развиваться изъ такого союза и соотношенія между христіанствомъ и міромъ, между церковью и государствомъ, вѣрою и наукою, молитвою и художественнымъ эффектомъ и т. д.

Исторія церковной жизни двухъ обозначенныхъ нами періодовъ представляетъ еще ту особенность, что она есть, какъ нерѣдко выражаются въ наше время, исторія нераздѣленнаго христіанства. Правда, раздѣленія и споры бывали и въ древней церкви отъ самыхъ первыхъ вѣковъ ея существованія; но они не имѣли такого большаго значенія, не продолжались столь долгое время, не сопровождались такими громадными послѣдствіями, какъ раздѣленіе возникшее послѣ того времени Не было тогда такого важнаго, какъ въ настоящее время, различія между православіемъ, католичествомъ и протестантствомъ. Восточная и западная церковь составляли одну вселенскую церковь; развитіе церковной жизни совершалось сообща силами той и другой половины христіанскаго міра, и совершалось поэтому полнѣе, цѣльнѣе, многостороннѣе, разнообразнѣе. Поэтому-то исторія христіанства первыхъ восьми вѣковъ представляетъ особенную важность для ученыхъ изслѣдователей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій—православнаго, римско-католическаго и протестантскаго. Кромѣ интереса чисто научнаго — теоретическаго, съ этимъ изученіемъ связывается еще много важныхъ интересовъ практическихъ. Такъ напр. на этой почвѣ—на почвѣ древняго нераздѣленнаго христіанства ожидаетъ найти себѣ разрѣшеніе живо возбужденное въ настоящее время стремленіе къ соединенію церквей. Точно также при разрѣшеніи всякихъ дру-

гихъ важныхъ практическихъ вопросовъ въ церкви, при предначертаніи напр. какихъ-либо существенныхъ церковныхъ преобразованій, болѣе или менѣе во всѣхъ христіанскихъ обществахъ принимается во вниманіе норма церковной жизни первыхъ восьми вѣковъ христіанства... Эта же сторона дѣла даетъ и особенныя удобства къ изслѣдованію исторіи древней христіанской церкви. Здѣсь церковный историкъ, къ какому бы времени и исповѣданію онъ ни принадлежалъ, можетъ пользоваться (конечно, съ самостоятельнымъ и критическимъ отношеніемъ къ дѣлу) трудами и пособіями ученыхъ продшественниковъ и собратій всѣхъ временъ и всѣхъ исповѣданій, изслѣдовавшихъ и изслѣдующихъ эту область церковной жизни. Разработка источниковъ и освѣщеніе фактовъ этой исторіи съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ самыхъ противоположныхъ вѣроисповѣдныхъ и всякихъ другихъ воззрѣній и тенденцій, представляетъ конечно не мало трудностей къ достиженію опредѣленныхъ научныхъ результатовъ-твердыхъ идей и положеній въ этой области; но это же самое всего лучше можетъ изощрить въ изслѣдователѣ критически-научную мысль, и предохранить его отъ всякихъ односторонніхъ увлеченій, пристрастій и т. д.

Великая эпоха восьмивѣковаго развитія церковной жизни завершилась печальнымъ кризисомъ раздѣленія церквей. Двѣ почти равныя въ то время части христіанскаго міра, до того времени составлявшія единую нераздѣльную вселенскую церковь, разрываютъ общеніе между собою... Не сразу конечно совершился этотъ разрывъ; церкви, въ продолженіе почти цѣлаго тысячелѣтія считавшія взаимно другъ друга родными сестрами, утверждавшіяся на одномъ началѣ христіанскаго упованія, не могли сразу и равнодушно разорвать свой вѣковой союзъ. Раздѣленіе подготовлялось мало-по-малу съ первыхъ вѣковъ христіанства — неважными на первый взглядъ разномысліями и частными столкновеніями представителей двухъ церквей. Затѣмъ съ 9 вѣка это раздѣленіе начинаетъ обнаруживаться явнымъ образомъ — съ болѣе значительною

силою, и возрастаетъ въ продолженіе двухъ или трехъ вѣковъ такъ, что къ 12 и 13 вѣку объ церкви уже начинаютъ осыпать одна другую проклятіями и всякими обвиненіями; одна церковь перестаетъ считать другую истинною церковью. На западѣ называютъ восточныхъ христіанъ схизматиками, на востокѣ западныхъ отступниками отъ древняго преданія. Западные христіане смотрятъ на восточныхъ христіанъ почти какъ на язычниковъ, и стараются обращать ихъ къ своей церкви точно такими же мѣрами, какими они обращали въ то время язычниковъ. Восточные христіане отвѣчаютъ западнымъ подобными же чувствами; здѣсь вновь перекрещиваютъ латинъ обращающихся въ православіе, омываютъ и заново освящаютъ алтари, въ которыхъ совершалось латинское богослуженіе. Это темное несчастное время такъ же, какъ и первые вѣка христіанства, заслуживаетъ внимательнаго изученія. Раздѣленіе церквей и само по себѣ—величайшій, хотя и несчастнѣйшій фактъ въ исторіи христіанскаго міра, и кромѣ того оно было началомъ многихъ другихъ, очень важныхъ и также очень несчастныхъ явленій въ дальнѣйшемъ развитіи жизни—не только церковной, но и политической, и умственной, и общественной жизни всего христіанскаго міра. Здѣсь источникъ религіознаго разномыслія и вмѣстѣ политическаго разобщенія, по временамъ и прямыхъ враждебныхъ столкновеній между восточными и западными христіанскими народами. Здѣсь разрѣшеніе многимъ запутаннымъ вопросамъ прошедшаго и настоящаго времени. Здѣсь между прочимъ объясненіе на то, почему жизнь восточныхъ и западныхъ европейскихъ народовъ идетъ въ новой исторіи раздѣльными путями, и какіе отсюда выходятъ результаты для востока и запада, — какія существенно различныя начала лежатъ въ основаніи восточнаго и западнаго европейскаго развитія, и какихъ отъ этого послѣдствій и комбинацій нужно ожидать въ будущемъ. Здѣсь объясненіе отношеній западныхъ романскихъ и германскихъ племенъ къ восточнымъ, славянскимъ племенамъ, и въ частности къ Россіи. Здѣсь корень такъ-называемаго восточнаго вопроса, кото-

рый и для науки обще-исторической, и для науки церковно-исторической имѣетъ такое же важное значеніе, какъ и для политики. Что касается до развитія собственно церковной жизни, то здѣсь—въ этомъ періодѣ заложились начала всѣмъ въ послѣдствіи развившимся разностямъ въ направленіи церковной жизни на востокѣ и западѣ. Раздѣленіе, произшедшее въ это время, не было только внѣшнимъ раздѣленіемъ, охлажденіемъ внѣшнихъ отношеній, слѣдствіемъ личныхъ столкновеній, случайною борьбою партій; оно было, къ несчастію, глубокимъ внутреннимъ раздѣленіемъ, — разномыслiемъ и противорѣчіемъ въ самыхъ основахъ церковной жизни. Въ западной церкви сложилась въ это время во всѣхъ сферахъ религіозной жизни—въ догматѣ и направленіи богословской науки, въ обрядѣ и богослуженіи, и всего болѣе въ административной организаціи церковной — цѣлая новая система, которая въ слѣдующіе вѣка развивалась далѣе и далѣе, и болѣе и болѣе отдѣляла западную церковь какъ отъ древней вселенской, такъ и отъ позднѣйшей восточной церкви. Въ восточной церкви также сложился въ это время тотъ типъ неизмѣннаго православія, въ его существенныхъ и случайныхъ, свѣтлыхъ и несвѣтлыхъ чертахъ, который сохраняется въ ней доселѣ. Имѣя такое важное значеніе для временъ послѣдующихъ, великій фактъ раздѣленія церквей имѣетъ также очень большую важность и для всесторонней и безпристрастной оцѣнки предшествовавшаго церковнаго развитія. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, отразилось все то, что постепенно мало-по-малу накоплялось ненормальнаго въ развитіи жизни церковной въ предшествовавшіе вѣка. Онъ былъ—такъ сказать — видимымъ разрѣшеніемъ болѣзней, издавна мало-по-малу созрѣвавшихъ въ церковномъ организмѣ. Съ этой стороны исторія раздѣленія церквей имѣетъ тотъ особенный интересъ для изслѣдователя, что въ ней представляется самый удобный пунктъ для наиболѣе многосторонняго обозрѣнія и безпристрастнаго освѣщенія какъ предшествующей, такъ и послѣдующей исторіи христіанства. И много въ этомъ обозрѣніи можетъ представиться поучитель-

наго. Во многомъ изученіе ошибокъ прошедшаго можетъ быть полезно для того, чтобы менѣе было такихъ же и подобныхъ ошибокъ въ будущемъ... Наконецъ изслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ раздѣленія церквей весьма много можетъ подвинуть въ общественномъ сознаніи великій самъ по себѣ и съ особенною силою возбуждающійся въ послѣднее время вопросъ о церковномъ соединеніи.

Переходимъ къ обозрѣнію дальнѣйшихъ эпохъ въ развитіи церковной жизни.

Послѣ раздѣленія церквей исторія восточнаго и западнаго христіанства идетъ особыми путями, и какъ та, такъ и другая не имѣетъ повидимому такого важнаго значенія въ общемъ развитіи церковной жизни, какъ исторія первыхъ восьми вѣковъ христіанства. Тѣмъ не менѣе и эта позднѣйшая исторія представляетъ много важнаго и интереснаго, и интересъ изученія увеличивается здѣсь тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе эта исторія подходитъ къ нашимъ временамъ—къ нашимъ современнымъ церковнымъ отношеніямъ.

Наиболѣе интереса съ общей точки зрѣнія представляетъ какъ будто послѣ раздѣленія церквей исторія западнаго христіанства. Это очень понятно. Жизнь западной церкви съ самаго начала такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ развивается въ тѣсномъ союзѣ съ политическою и соціальною жизнью такихъ народовъ, которые являются въ эти вѣка главными наиболѣе видными дѣятелями на поприщѣ исторіи, какъ бы заступаютъ на этомъ поприщѣ славное мѣсто древнихъ классическихъ народовъ Греціи и Рима. Западная церковь имѣла очень большое вліяніе на первоначальное воспитаніе этихъ новыхъ историческихъ народовъ, — на развитіе между ними государственной, общественной, научной, вообще такъ-называемой культурной жизни. И потомъ далѣе, когда эти народы возмужали, созрѣли для жизни самостоятельной, и стали выходить изъ подъ непосредственной опеки церковной, западная церковь, въ силу своихъ особенныхъ принциповъ и задачъ, не переставала распространять на нихъ свое вліяніе, желая

ближайшимъ образомъ заправлять и руководить не только ихъ религіозными отношеніями, но и государственною и общественною жизнью. Отсюда выходитъ въ исторіи западной церкви множество замѣчательныхъ стремленій, блистательныхъ предпріятій, славныхъ дѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ запутанныхъ столкновеній церкви съ государствомъ, съ обществомъ, съ самостоятельною наукою и т. д... Отсюда западная церковная исторія въ такъ-называемые средніе и новѣйшіе вѣка находится въ самой тѣсной связи съ политическою исторіею европейскихъ народовъ, и получаетъ съ общеисторической точки зрѣнія тѣмъ болѣе значенія, чѣмъ значительнѣе была за это время роль западно-европейскихъ народовъ на историческомъ поприщѣ. Сама по себѣ, по своему внутреннему развитію, церковная жизнь на западѣ въ средніе и позднѣйшіе вѣка представляетъ также много замѣчательнаго и интереснаго. Правда, эта жизнь развивалась на искаженныхъ съ православной точки зрѣнія началахъ. Но не все же въ этихъ началахъ было искажено. Подъ внѣшнимъ наслоеніемъ односторонняхъ вліяній позднѣйшаго папства и протестантства всегда оставалось въ западной церкви много чистыхъ, истинно-христіанскихъ началъ. И эти начала продолжали развиваться тамъ тѣмъ съ большею силою, чѣмъ болѣе они находили себѣ энергическихъ способныхъ и хорошо подготовленныхъ дѣятелей въ народахъ западной Европы. И результаты этого развитія во многихъ отношеніяхъ имѣютъ большое значеніе не только для церкви западной, но и для всей христіанской церкви, и между прочимъ для нашей церкви восточной. Напр. нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что многіе замѣчательные труды и успѣхи западнаго христіанства въ развитіи христіанской науки, христіанскаго искусства, миссіонерской и благотворительной дѣятельности—имѣютъ большое значеніе не для одного запада, а и для всего христіанскаго міра, и для насъ восточныхъ христіанъ. Наконецъ и изученіе наиболѣе темныхъ и слабыхъ сторонъ западной церковной жизни, изученіе тѣхъ явленій, которыя по преимуществу развились на западѣ изъ

односторонних началъ папства и протестантства, имѣетъ также свое значеніе. Здѣсь въ особенности поучительнымъ представляется то, какъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ исторической жизни, у самыхъ повидимому способныхъ и дѣятельныхъ народовъ, на самой высокой, сравнительно говоря, ступени политическаго, научнаго и общественнаго развитія, церковная жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая народная жизнь, даетъ множество ненормальныхъ явленій, постоянно колеблется, періодически подвергается разнаго рода испугамъ и кризисамъ—вслѣдствіе того, что она держится на односторонномъ и искаженномъ религіозномъ началѣ.—Западная церковная жизнь отличается между прочимъ чрезвычайно большимъ разнообразіемъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ проявленій. Частію, можетъ быть, вслѣдствіе коренныхъ національныхъ свойствъ западныхъ христіанскихъ народовъ, вслѣдствіе особенной живости и подвижности ихъ духовныхъ стремленій, частію вслѣдствіе самой шаткости и односторонности нѣкоторыхъ вѣроисповѣдныхъ началъ папства и протестантства, не могущихъ дать твердаго устоя религіознымъ стремленіямъ народовъ, церковная жизнь на западѣ выразилась въ весьма многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ формахъ и направленіяхъ. Много религіозныхъ волненій возникало и много сектъ появлялось въ западной церкви еще въ средніе вѣка; много въ особенности возникло ихъ съ XVI вѣка; и донынѣ не перестаютъ образовываться среди западнаго христіанства новыя религіозныя общины и секты—преимущественно въ Англіи и Америкѣ, отчасти и въ Германіи и въ другихъ странахъ. Многія изъ этихъ сектъ существуютъ во всей силѣ и въ настоящее время, и имѣютъ очень большое значеніе въ исторіи. Кромѣ внѣшней ихъ исторіи, представляющей важное значеніе и для политической жизни народовъ, очень интересна внутренняя исторія этихъ сектъ—исторія ихъ общественной организаціи, развитія ихъ вѣроученія и нравственной практики. Въ развитіи западныхъ религіозныхъ сектъ и въ разнообразныхъ направленіяхъ западной богословской науки повидимому перепробованы всѣ

пріемы, всѣ пути, по которымъ только можетъ идти раскрытіе и примѣненіе теоретическихъ и практическихъ началъ христіанства. Изученіе этого великаго разнообразія внутренней духовной жизни имѣетъ чрезвычайно большой интересъ не съ одной только отрицательной стороны — со стороны ошибокъ человѣческаго ума и заблужденій человѣческой воли. Здѣсь представляется очень много положительнаго для раскрытія и примѣненія христіанскихъ началъ. Нерѣдко въ самой странной и уродливой повидимому сектѣ мы встрѣчаемъ живо сознанными и раскрытыми нѣсколько самыхъ замѣчательныхъ христіанскихъ идей, или какія-нибудь самыя высокія и свѣтлыя черты христіанской жизни. Нерѣдко въ самыхъ своеобразныхъ и весьма далеко разходящихся съ истиннымъ христіанствомъ системахъ и изслѣдованіяхъ западныхъ мыслителей и ученыхъ мы находимъ указаніе пути къ разъясненію какой-нибудь глубочайшей христіанской истины или важнѣйшаго церковно-историческаго факта.—Такъ много важныхъ и интересныхъ сторонъ представляетъ намъ исторія западной церкви. Соотвѣтственно съ этимъ ей конечно и принадлежитъ значительное мѣсто въ церковно-историческомъ курсѣ. Впрочемъ, при всемъ значеніи, при всемъ интересѣ западной церковной исторіи, и при всемъ, сравнительно говоря, удобствѣ работы въ этой области (такъ какъ здѣсь можно найти великое множество пособій въ трудахъ самыхъ же западныхъ ученыхъ), мы однакоже признаемъ нужнымъ поставить себя въ опредѣленныя границы по отношенію къ этой сторонѣ своего предмета. Еслибы у насъ было и гораздо болѣе времени для изложенія всего церковно-историческаго курса, мы едва ли бы могли дать въ немъ слишкомъ много мѣста западной средневѣковой и новѣйшей исторіи. Болѣе вниманія къ себѣ, по нашему разумѣнію, требуютъ другія стороны нашего предмета: исторія древней вселенской церкви до раздѣленія и исторія восточной церкви послѣ раздѣленія. По западной церковной исторіи всякій интересующійся можетъ найти себѣ много готовыхъ руководствъ и пособій въ иностранной, отчасти и въ рус-

ской литературѣ. На западную церковную исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ гораздо болѣе, чѣмъ на древнюю христіанскую исторію, и еще гораздо болѣе, чѣмъ на исторію восточной церкви послѣ раздѣленія, обращаютъ свое вниманіе и общіе историки. Намъ въ западной исторіи нѣтъ надобности много останавливаться надъ тѣмъ, о чемъ наиболѣе извѣстно, чѣмъ наиболѣе занимаются другіе. Намъ нужно остановить здѣсь вниманіе преимущественно на нѣкоторыхъ пунктахъ, именно на такихъ, которые имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ нашему восточному христіанству, въ которыхъ мы наименѣе можемъ положиться на безпристрастное и надежное руководство западныхъ изслѣдователей, и въ которыхъ также мы немного можемъ ожидать себѣ пособія отъ общей исторіи. Такъ, не пускаясь въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ сторонъ западной церковной жизни, которыми она наиболѣе соприкасается съ политическою западною же исторію, мы сочли бы болѣе нужнымъ обратить свое вниманіе на отношенія западной церкви къ православному востоку—къ греческимъ и славянскимъ церквамъ и народамъ,—на существенныя разности западной вѣроисповѣдной системы, католической и протестантской, съ православною вѣроисповѣдною системою, въ ихъ историческомъ развитіи, въ ихъ отношеніяхъ къ началамъ чистаго христіанства и преданіямъ древней вселенской церкви,—и наконецъ, по возможности, на западную богословскую науку, которая, при всѣхъ своихъ произвольныхъ и частныхъ уклоненіяхъ отъ истиннаго пониманія христіанства, весьма много, какъ мы уже сказали, сдѣлала для раскрытія и примѣненія христіанскихъ идей, что не останется безплодно и для всего христіанства. Въ исторіи разнообразныхъ западныхъ сектъ мы также должны обратить вниманіе не столько на внѣшнюю сторону ихъ жизни, сколько на внутренній характеръ ихъ вѣроисповѣдной системы и общинной организаціи, въ ихъ отношеніяхъ къ общимъ христіанскимъ началамъ и частнымъ историческимъ условіямъ развитія той или другой секты. Разумѣется, историческое обозрѣніе внѣшней судьбы

и внутренняго характера религіозныхъ обществъ, расходящихся съ нами въ пониманіи и примѣненіи извѣстныхъ христіанскихъ истинъ, должно быть чуждо всякаго пристрастія и полемической горячности, — должно состоять всего болѣе въ спокойномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи самыхъ началъ и условій, вслѣдствіе которыхъ развились въ извѣстной вѣроисповѣдной системѣ извѣстныя особенности, съ безпристрастнымъ признаніемъ всего того, что есть лучшаго во всякой вѣроисповѣдной системѣ, что наиболѣе приближаетъ ее къ истинному христіанству. Исторія церкви, какъ и всякая исторія, должна служить къ разъясненію истины, къ ослабленію старыхъ предразсудковъ, къ разсѣянію недоразумѣній и предубѣжденій, а не къ возбужденію страстей и не къ усиленію предразсудковъ и недоразумѣній.

Обращаясь къ исторіи восточной церкви послѣ раздѣленія, мы должны съ особенною внимательностью опредѣлить значеніе этого отдѣла церковно-исторической науки въ ряду другихъ ея частей. Исторія восточной церкви со временъ раздѣленія повидимому не представляетъ въ себѣ такого интереса и значенія, какъ западная исторія. Восточная церковь не имѣла такой блестящей роли въ политической исторіи среднихъ и новыхъ вѣковъ, какъ церковь западная. Въ самомъ внутреннемъ развитіи церковной жизни мы также какъ будто не видимъ здѣсь такого богатства и разнообразія, какъ въ западной церкви. Нѣтъ здѣсь ни такого блестящаго развитія науки, ни такой широкой миссіонерской дѣятельности, ни такого сильнаго вліянія церкви и іерархіи на жизнь общественную. Исторія религіозныхъ волненій, по временамъ возникавшихъ на востокѣ послѣ раздѣленія церквей, исторія различныхъ сектъ, образовавшихся напр. у насъ въ Россіи, также показываетъ какъ будто, вмѣсто живой подвижности и свободной энергіи духа, крайнюю бѣдность духовнаго содержанія и грубость внѣшнихъ обнаруженій религіозной жизни. Наконецъ восточная исторія, за исключеніемъ развѣ русской, представляется мало привлекательною по скудости источни-

ковъ и пособій для ея обработки. По всей вѣроятности, многіе памятники церковно-исторической жизни православнаго востока погибли среди тяжкихъ политическихъ бѣдствій и переворотовъ, постигавшихъ восточныя страны; многіе, можетъ быть, остаются неизвѣстными и непопутыми въ архивахъ восточныхъ монастырей, или перевезенные съ востока остались заброшенными въ какихъ нибудь западныхъ книгохранилищахъ. Что касается до готовыхъ пособій, обработанныхъ изложеній восточной церковной исторіи, здѣсь не можетъ быть никакого сравненія съ западною исторіею. Своего самостоятельнаго въ этой области мы еще пока очень мало сдѣлали. А западные ученые, за немногими исключеніями, не считаютъ какъ будто и стоющею своего вниманія и изслѣдованія исторію восточной церкви послѣ раздѣленія. Въ самыхъ обширныхъ, многотомныхъ трудахъ западныхъ историковъ едва удѣляется по нѣскольку страницъ восточной церковной исторіи (напр. у Неандера, Гизелера, Баура, Гагенбаха и другихъ, за исключеніемъ развѣ Куртца—дерптскаго профессора, у котораго въ исторіи есть особенный, хоть и все таки не большой сравнительно отдѣлъ, посвященный восточной церкви послѣ раздѣленія), Если и встрѣчаются иногда въ богатѣйшей западной церковно-исторической литературѣ значительныя монографіи по исторіи восточной церкви (подобныя напр. наиболѣе извѣстнымъ у насъ сочиненіямъ Пихлера, Гергенретера, Ягера, Гинцеля и др.) рѣдкому изъ этихъ сочиненій можно довѣриться; такъ какъ рѣдкое изъ нихъ составляется и издается безъ какой нибудь особенной тенденціи, безъ какихъ нибудь вѣроисповѣдныхъ или политическихъ пристрастій и предубѣжденій.—При всемъ томъ однакожъ, по нашему разумѣнію, на исторіи восточной церкви намъ нужно остановить вниманіе гораздо болѣе, чѣмъ на исторіи церкви западной. Прежде всего, это—наша исторія, исторія нашей церкви. Какъ русскому человѣку прежде всего и болѣе всего нужно знать русскую исторію, хотя бы она въ общемъ развитіи человѣчества и не имѣла такого значенія, какъ нѣмец-

кая или французская исторія, точно также православному христіанину нужно прежде всего знать исторію православной церкви, и православному историку нужно болѣе всего заниматься этою исторіею, хотя бы она съ общеисторической точки зрѣнія и не представляла повидимому такого значенія и интереса, какъ западная католическая и протестантская исторія. Далѣе—можетъ быть еще вопросъ о томъ, дѣйствительно ли восточная церковная исторія не представляетъ такого значенія и интереса, какъ западная? Конечно, если взять во вниманіе существующее состояніе церковно-исторической науки, и сравнить нѣсколько не особенно блестящихъ монографій по исторіи восточной церкви съ замѣчательнѣйшими произведеніями по исторіи западной церкви, въ которыхъ живыми чертами изображенъ каждый значительный фактъ этой послѣдней, конечно, нельзя будетъ не отдать большаго преимущества западной исторіи предъ восточною. Но о степени интереса и важности въ изученіи извѣстныхъ историческихъ фактовъ не всегда можно судить по тѣмъ или другимъ опытамъ изображенія этихъ фактовъ. Иногда недостатокъ въ историческомъ изображеніи извѣстнаго факта зависитъ или отъ недостаточности и необработанности матеріала, по которому составляется это изображеніе, или отъ недостаточности таланта въ тѣхъ, кто его составляетъ. Съ этой стороны о важности и интересѣ восточной церковной исторіи нельзя устанавлять рѣшительнаго сужденія до тѣхъ поръ, пока внимательнѣйшимъ образомъ не будутъ изслѣдованы и обработаны источники этой исторіи, и пока за изложеніе ея не возьмутся люди подобные талантливѣйшимъ и ученѣйшимъ историкамъ западной церкви.—Что же касается до объективнаго такъ сказать значенія восточной церковной исторіи сравнительно съ западною въ общемъ развитіи церковно-исторической жизни, объ этомъ предметѣ въ настоящее время еще труднѣе судить. Римскому историку Тациту, за восемьнадцать вѣковъ назадъ представлявшему параллель между утонченною и испорченною жизнью римскаго общества своего времени и патріархальны-

ми правами еще неразвитаго и грубаго тогда германскаго племени, никакъ нельзя было предсказать, что этому самому германскому племени прійдется когда нибудь играть въ исторіи роль не менѣе значительную, чѣмъ какую игралъ въ свое время римскій народъ. Точно также нельзя придавать серьезнаго значенія сужденіямъ тѣхъ западныхъ, а за ними и многихъ нашихъ, мыслителей и ученыхъ, которые заранѣе не только за прошедшее, но и за будущее время, составляютъ приговоръ о малозначительности въ общо-историческомъ отношеніи національной славянской исторіи сравнительно съ исторіею западныхъ—романскихъ и германскихъ народовъ, или собственно въ церковномъ отношеніи о малозначительности православной восточной церковной исторіи сравнительно съ западною католическою и протестантскою исторіею. При сравненіи восточной исторіи съ западною какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, никакъ нельзя опускать изъ вниманія того главнаго обстоятельства, что западная исторія есть исторія народовъ, въ послѣднее тысячелѣтіе бывшихъ главными или по крайней мѣрѣ наиболѣе видными дѣятелями на историческомъ поприщѣ, восточная же исторія есть исторія народовъ, по особеннымъ обстоятельствамъ до послѣдняго времени державшихся нѣсколько въ сторонѣ отъ наиболѣе видныхъ путей въ движеніи исторической жизни. Но что случится далѣе, мы не знаемъ. Держась на строго исторической почвѣ, мы не можемъ конечно пускаться въ гаданія, какая роль готовится въ будущемъ славянскому племени, и вмѣстѣ съ тѣмъ православной восточной церкви,—точно также и о томъ, долго ли еще продлится въ исторіи преобладающее значеніе романскихъ и германскихъ племенъ, и тѣсно связанныхъ съ нимъ судебъ католицизма и протестантизма. Но мы можемъ сказать, что если въ будущемъ политической и церковной жизни христіанскаго востока предстоитъ хоть сколько нибудь значительная роль (въ чемъ никто не имѣетъ основанія сомнѣваться, къ чему и настоящее время православнаго востока предста-

ляетъ нѣкоторые существенные залоги), то безъ сомнѣнія и самые первоначальные, нынѣ не довольно уясненные и цѣнимые факты прошлой исторіи востока должны будутъ обратить на себя большое вниманіе въ наукѣ, какъ факты не лишенные обще-историческаго значенія.—Между исторіею восточной и западной церкви въ настоящее время нельзя проводить серьезной параллели,—во первыхъ, говоримъ, по различію прошлаго историческаго значенія тѣхъ народовъ, которые были представителями той и другой церкви,—по различію степеней и направленій цивилизаціи этихъ народовъ; а во вторыхъ, по различію самыхъ религіозныхъ вѣроисповѣдныхъ началъ, лежащихъ въ основаніи историческаго развитія той и другой церкви. Къ изученію и оцѣнкѣ фактовъ восточной церковной жизни мы не должны приступать съ мѣрками и идеалами, взятыми отъ западной церковной исторіи. Иначе мы должны будемъ прійти или къ невѣрному представленію фактовъ, или къ несправедливому сужденію о значеніи ихъ. Мы не можемъ напр. въ исторіи восточной церкви искать такихъ крупныхъ фактовъ непосредственнаго вліянія церковной іерархіи на жизнь общественную, преобладанія церкви надъ государствомъ, какъ въ западной исторіи среднихъ вѣковъ, и не можемъ ставить въ недостатокъ и порицаніе восточной церковной жизни отсутствіе такого рода фактовъ. Можетъ быть наоборотъ, когда нибудь безпристрастная исторія поставитъ не въ порицаніе, а въ честь восточной церковной жизни, что въ ней не было ни славной эпохи крестовыхъ походовъ, ни блестящей дѣятельности Григорія VII и Иннокентія III, ни вѣковой борьбы между церковію и государствомъ, ни широкихъ успѣховъ миссіонерской дѣятельности, достигаемыхъ путемъ интриги и насилія. Точно также къ позднѣйшей исторіи восточной церкви нельзя прилагать всѣхъ тѣхъ требованій, которыя даются исторіею христіанства первыхъ вѣковъ; мы не можемъ напр. въ восточной церковной жизни среднихъ вѣковъ искать такого богатаго развитія научно-богословской дѣятельности, какая была въ греческой церкви въ IV и V вѣкахъ. Справедливость

конечно, требуетъ сказать, что восточная церковная жизнь и въ средніе вѣка въ этомъ отношеніи стояла не ниже западной, даже выше ея, такъ что въ XIII вѣкѣ западные крестоносцы, разграбившіе Константинополь по справедливости казались варварами образованнымъ грекамъ, и въ XV вѣкѣ греки разбѣжавшіеся изъ порабощеннаго отечества положили начало умственному пробужденію западныхъ народовъ, и въ богословскомъ собственно отношеніи греческіе богословы среднихъ вѣковъ — патріархъ Фотій, Евѳимій Зигабенъ, Николай Меѳонскій, Николай Кавасила, Григорій Палама, Маркъ Ефесскій, Геннадій Схоларій и др.—если не по многочисленности своихъ произведеній, то по твердости своихъ богословскихъ понятій и церковно-историческихъ свѣдѣній, стоятъ нисколько не ниже, если не выше средневѣковыхъ западныхъ богословъ—всякихъ божественныхъ, серафимскихъ и ангельскихъ докторовъ западной церкви. Но конечно, это не особенно выдающаяся сторона восточной церковной жизни среднихъ вѣковъ. Безъ сомнѣнія, умственная жизнь въ ней упала сравнительно съ блестящими временами Аѳанасія Великаго, Іоанна Златоустаго и т. д. И нечего искать особенно блестящаго развитія богословской науки тамъ, гдѣ ни одна наука не стояла на высокой степени развитія, и гдѣ условія народной жизни были далеко неблагопріятны для научнаго развитія.— Какъ западную, такъ и восточную исторію среднихъ и позднѣйшихъ вѣковъ нужно конечно разсматривать въ связи съ тѣми историческими условіями, среди которыхъ та и другая развивалась, и отъ той и другой можно требовать только того, что она могла дать при извѣстныхъ условіяхъ. Западная церковная жизнь среднихъ и новыхъ вѣковъ развивалась, сравнительно говоря, при лучшихъ историческихъ условіяхъ среди народовъ, какъ мы уже сказали, бывшихъ главными дѣятелями на всемірно-историческомъ поприщѣ. Поэтому по отношенію къ ней наука историческая въ правѣ предъявлять наиболѣе серьезные запросы и требованія: какъ выполнила западная церковь свое внутреннее призваніе, при высотѣ и

удобствахъ внѣшняго положенія? Достаточно ли воспользовалась она условіями своего историческаго положенія, талантами и силами народовъ, ее представлявшихъ, для внутренняго развитія христіанской мысли и жизни? Удержала ли она это развитіе на твердыхъ христіанскихъ началахъ въ православномъ направленіи? И съ своей стороны на сколько благотворно дѣйствовала она на естественную—умственную, общественную и государственную жизнь народовъ, бывшихъ подъ ея воспитаніемъ? Много ли внесла она въ нее добра и свѣта истинно христіанскихъ вліяній? способствовала ли или препятствовала она своимъ вліяніемъ естественному развитію народной жизни? правильное или неправильное, здоровое или болѣзненное направленіе давала она ему? восполняла ли и оживотворяла или напротивъ истощала и подавляла она жизнь человѣчества? направляла и освѣщала или сбивала съ твердаго пути и затемняла правильное теченіе исторіи? Всѣ подобные вопросы примѣнимы къ западной исторіи при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ она развивалась. Положеніе восточной церкви со времени раздѣленія и до позднѣйшихъ вѣковъ было иное; судьба ея во многихъ отношеніяхъ была самая неблагопріятная. Она должна была развиваться у народовъ, отъ природы весьма даровитыхъ, и нѣкогда очень дѣятельныхъ на историческомъ поприщѣ (въ Греціи, малой Азіи и Египтѣ), но къ этому времени уже совершенно изжившихся нравственно, умственно и политически, и затѣмъ подпадшихъ подъ тяжелое иго чужихъ и грубыхъ, невѣрныхъ и нехристіанскихъ племенъ. Потомъ она должна была развиваться у народовъ новыхъ (славянскихъ), свѣжихъ и молодыхъ, но еще не пріобрѣтшихъ себѣ значительнаго положенія въ исторіи, не успѣвшихъ даже создать себѣ доселѣ, за исключеніемъ одного народа, твердой государственности, не говоря уже объ умственномъ и всякомъ другомъ общественномъ развитіи,—у народовъ притомъ также почти постоянно вынуждаемыхъ отстаивать свою внѣшнюю самостоятельность отъ сильныхъ враговъ съ востока и запада, и неоднократно

подпадавшихъ чужому игу. Здѣсь по справедливости историческая наука едва ли могла бы предъявлять слишкомъ высокія требованія и запросы. Здѣсь едва ли справедливо было бы искать какъ блистательной политической роли, такъ и богатаго внутренняго развитія. Здѣсь едва ли можно было бы даже спрашивать о томъ, внесла ли восточная церковь среднихъ и новыхъ вѣковъ что либо новое значительное въ развитіе христіанской мысли и жизни. Мало было благопріятныхъ условій и мало было свободныхъ и образованныхъ силъ для такого развитія. Здѣсь достаточно ограничиться вопросами такого рода: сохранила ли Восточная Церковь въ наиболѣе темныя и тяжелыя времена своего существованія сокровища древняго просвѣщенія не утраченными для позднѣйшихъ временъ? Сохранила ли она главнымъ образомъ цѣлымъ и неповрежденнымъ святой залогъ православія, чистое преданіе древней вселенской церкви—среди многихъ искушеній и прельщеній, угрожавшихъ цѣлости ея вѣры? Потомъ имѣла ли она, на сколько это было возможно при неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствахъ, хоть какое нибудь благотворное воспитательное вліяніе на жизнь тѣхъ народовъ, среди которыхъ существовала? Успѣла ли она хоть на нѣкоторое время поддержать, предохранить отъ конечнаго разложенія и паденія народъ греческій—государство Византійское, которое давно уже начало разрушаться и падать? И потомъ, когда этотъ народъ уже палъ въ состояніе порабощенія, помогла ли она ему хоть сколько нибудь сохранить нравственное сознаніе и національную самостоятельность, удержаны ли въ немъ хоть какіе нибудь залоги для будущаго возстановленія и возрожденія? Далѣе, какъ выполнила восточная церковь свою миссію по отношенію къ новымъ племенамъ славянскимъ? Воспитала ли она въ нихъ правильную и твердую приверженность къ православію? Способствовала ли пробужденію въ нихъ національнаго самосознанія и укрѣпленію національной самостоятельности—преимущественно въ тяжелыя времена всякихъ непріязненныхъ національному развитію искушеній и бѣдствій? Имѣла ли она

хоть сколько нибудь вліянія на ихъ умственное, общественное и политическое образованіе? Способствовала ли развитію въ нихъ государственности, просвѣщенія, добрыхъ понятій и правовъ? Если на всѣ эти вопросы исторія восточной церкви можетъ дать хоть сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ (а она можетъ дать такой отвѣтъ передъ самымъ строгимъ судомъ), то мы никакъ не можемъ назвать ея значенія маловажнымъ,—и должны будемъ признать, что при данныхъ условіяхъ своего существованія и развитія, она выполнила свою задачу не хуже, едва ли не нужно сказать лучше, западной церкви,—и что поэтому ея судьбы въ общей исторіи церкви и человѣчества заслуживаютъ вниманія не менѣе судебъ западной церкви. А что будетъ далѣе съ этими народами, сохранившимися и возросшими подъ крыломъ восточной церкви въ вѣка испытаній и бѣдствій, какую роль имъ суждено имѣть въ будущемъ въ исторіи человѣчества, что новаго внесутъ они въ развитіе общечеловѣческой жизни,—какую между прочимъ окажутъ услугу человѣчеству въ религіозномъ отношеніи вѣрнымъ соблюденіемъ чистаго неповрежденнаго православнаго преданія,—объ этомъ конечно трудно съ рѣшительностью говорить въ настоящее время. Но судя по нѣкоторымъ уже довольно ясно и теперь обозначающимся признакамъ можно гадать, что восточные христіанскіе народы и восточная церковь еще будутъ имѣть свое значеніе въ исторіи человѣчества,—что не даромъ Господь сохранилъ и провелъ невредимыми черезъ рядъ искушеній и бѣдствій эти народы и эту церковь,—и не даромъ въ послѣднія времена начинаютъ болѣе и болѣе укрѣпляться эти народы, и Восточная Церковь начинаетъ болѣе и болѣе пріобрѣтать къ себѣ вниманія и уваженія со стороны самыхъ западныхъ христіанъ.

Мы сказали, что большимъ препятствіемъ къ уясненію минувшихъ судебъ и значенія восточной церковной исторіи служитъ необработанность этого предмета въ наукѣ. Церковно-историческая наука доселѣ послѣ раздѣленія церквей занима-

лась главнымъ образомъ, чуть не исключительно, западною исторіею, и почти не обращала вниманія на исторію восточной церкви. Но это такое препятствіе, которое должно не останавливать, а напротивъ болѣе возбуждать къ дѣлу новыхъ изслѣдователей церковной исторіи, преимущественно тѣхъ, которые сами принадлежатъ къ православной восточной церкви. Что церковно-историческая наука доселѣ занималась преимущественно судьбами западной церкви, это понятно; сама она въ новѣйшія времена развивалась чуть не исключительно на западѣ. Западные изслѣдователи церковной исторіи выполнили свой долгъ по отношенію къ своей западной церкви. На сколько лишь могла позволять имъ мѣстная вѣроисповѣдная и національная точка зрѣнія, они разработали матеріалы и освѣтили факты западной церковной исторіи—такъ, что едва ли уже можно сдѣлать что нибудь новое замѣчательное въ этой области. Восточнымъ изслѣдователямъ церковной исторіи остается выполнить этотъ долгъ по отношенію къ своей восточной церкви. За выполненіе этой задачи первая будетъ благодарна имъ сама западная наука, и первая воспользуется ихъ работами для общаго научнаго достоянія. Если же эта задача останется не выполненною, мы будемъ отвѣтственны передъ судомъ своей собственной исторіи, и передъ судомъ западной науки. Постыдно было бы намъ, еслибы западные ученые предупредили насъ и явились нашими руководителями въ разработкѣ нашей собственной восточной исторіи. Положеніе нашей науки въ этомъ отношеніи представляется на сколько съ одной стороны труднымъ, на столько же съ другой стороны и завиднымъ. Здѣсь безъ сомнѣнія нужно прокладывать новые пути; но здѣсь есть, надъ чѣмъ поработать, и можно кое что сдѣлать. Присоединяя себя къ числу изслѣдователей западной исторіи, кромѣ развѣ нѣкоторой въ иныхъ пунктахъ болѣе безпристрастной постановки дѣла, въ открытіи и разработкѣ самыхъ матеріаловъ и фактовъ науки мы едва ли можемъ съѣлать что либо значительное,—здѣсь наши работы будутъ повтореніемъ чужихъ работъ, и мы всегда бу-

демъ оставаться учениками и подражателями другихъ. Въ своей восточной исторіи мы можемъ работать самостоятельно, и съ большими преимуществами предъ западными учеными,—такъ какъ сами находимся здѣсь въ той средѣ, которую нужно изслѣдовать. Разработкою этой стороны дѣла наша церковно-историческая науки по преимуществу можетъ пріобрѣсти себѣ право стать рядомъ съ западною наукою.

Опредѣлимъ теперь частнѣе, что именно въ исторіи восточной церкви должно обратить на себя наше вниманіе?

Прежде всего наше вниманіе должно остановиться здѣсь на исторіи греческой церкви, по преимуществу константинопольской, какъ главной и средоточной между восточными церквами,—затѣмъ на исторіи другихъ греческихъ патріаршествъ александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго. Исторія находящихся внѣ православія восточныхъ сектъ—несторіанскихъ и монофизитскихъ — менѣе заслуживаетъ вниманія; но и ими однакожъ намъ все-таки слѣдовало бы заняться сколько нибудь — по крайней мѣрѣ хоть столько, сколько западная церковно-историческая наука занимается мелкими протестантскими сектами. Восточныя христіанскія секты, хотя въ настоящее время представляются какъ будто оцѣпенѣвшими въ своемъ развитіи и лишенными всякаго историческаго значенія, въ свое время однакожъ имѣли въ исторіи очень не маловажное значеніе, и доселѣ имѣютъ въ своихъ общинахъ нѣкоторую жизнь, свою литературу и т. д. А нѣкоторыя изъ этихъ религіозныхъ общинъ заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія потому, что находятся въ близкихъ отношеніяхъ и къ нашей православной церкви, и къ нашему русскому государству; и можетъ быть, нашей собственно церкви будетъ принадлежать когда нибудь честь возсоединенія этихъ общинъ съ другими древними православными церквами. Но главное значеніе въ исторіи восточнаго христіанства послѣ раздѣленія церквей принадлежитъ, какъ мы сказали, константинопольской или византійской церкви. Она есть по преимуществу хранительница древняго православія, продолжительница древней церковной

исторіи, передатчица чистыхъ началъ и преданій вселенской церкви новымъ принявшимъ христіанство славянскимъ племенамъ, воспитательница этихъ новыхъ племенъ, руководительница (хоть и не всегда справедливая, безпристрастная и безкорыстная) другихъ православныхъ церквей. Исторія византійской церкви среднихъ вѣковъ и сама по себѣ имѣетъ довольно значительное содержаніе. Хотя умственная, нравственная и религіозная жизнь въ ней въ это время представляется уже значительно ослабѣвшею и застоявшеюся, сравнительно съ блестящимъ состояніемъ и живымъ движеніемъ ея въ IV и V вѣкахъ; но все-таки мы еще видимъ здѣсь и въ это время и довольно сильное религіозное движеніе, и очень значительное умственное развитіе, довольно богатую литературу, живую, хоть и не очень глубокую и самостоятельную сравнительно съ прежнимъ временемъ, каноническую дѣятельность и т. д. Затѣмъ византійская исторія имѣетъ очень большое значеніе для исторіи другихъ восточно-европейскихъ народовъ. Отъ Византіи всѣ восточныя славянскія племена приняли христіанскую вѣру и церковное устройство; Византія имѣла очень большое вліяніе не только на религіозный, но и на умственный, политическій, семейный, общественно-бытовой складъ ихъ жизни. Съ этой стороны многое въ исторіи русской, сербской, болгарской можетъ быть объяснено только въ связи съ средневѣковою византійскою исторіею; и съ этой стороны изученіе средневѣковой византійской исторіи имѣетъ для насъ русскихъ болѣе значенія, чѣмъ изученіе исторіи какого-либо самаго значительнаго изъ народовъ западной Европы. И нужно сказать, что для изученія этого предмета хотя и нѣтъ вполнѣ готовыхъ и обработанныхъ пособій, но есть уже очень довольно собраннаго, обнародованнаго и подготовленнаго къ дальнѣйшей разработкѣ матеріала. По средневѣковой византійской исторіи мы имѣемъ цѣлый рядъ очень обстоятельныхъ и хорошо изданныхъ хронографовъ. Кромѣ того, не мало и еще дошло до насъ отъ средневѣковой Византіи значительныхъ памятниковъ богословской, церковно-административной, поли-

тической и общественной дѣятельности. Есть нѣсколько хорошихъ монографій по византійской исторіи и въ западной литературѣ. И у насъ въ послѣднія десятилѣтія стали довольно обращать вниманія на византійскую исторію, въ чемъ особенно, кажется, нужно признать заслугу петербургской духовной академіи, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занимавшейся изданіемъ русскаго перевода византійскихъ историковъ (къ сожалѣнію, прекращеннаго), и напечатавшей въ своемъ журналѣ нѣсколько хорошихъ статей по этому предмету. Въ послѣднее время с.-петербургская академія открыла у себя даже особенную каѳедру по византійской исторіи.—Съ паденіемъ византійской имперіи совершается въ церковной жизни греческаго народа тяжелый переворотъ. Съ этого времени начинается въ ней самая темная эпоха—темная по внѣшнему позорному порабощенію христіанскаго, европейскаго и оказавшаго столько услугъ церкви и цивилизаціи народа отъ грубаго, деспотическаго, развращеннаго и враждебнаго христіанству племени, — темная по нравственному упадку греческаго народа и самой греческой іерархіи—естественному слѣдствію народнаго порабощенія и сближенія христіанской іерархіи съ нехристіанскимъ правительствомъ, — темная по чрезвычайно запутавшимся и неблагопріятнымъ отношеніямъ греческой народности и церкви къ другимъ народамъ и церквамъ, также имѣвшимъ несчастіе подвергнуться невѣрному игу, — темная наконецъ по скудости источниковъ для изученія этой эпохи (хотя по всей вѣроятности и не мало есть такихъ источниковъ въ архивахъ константинопольской патріархіи, греческихъ монастырей, въ турецкихъ государственныхъ архивахъ и т. д.). Тѣмъ не менѣе и въ эту темную и несчастную эпоху можно найти въ жизни незабвеннаго для исторіи греческаго народа не мало свѣтлыхъ сторонъ — въ глубокой и непоколебимой вѣрности православію, въ живомъ и сильномъ національномъ чувствѣ, въ высокихъ героическихъ проявленіяхъ мужества, терпѣнія, самоотверженной преданности вѣрѣ и отечеству и т. под. Эти лучшіе остатки нравственныхъ доблестей и слу-

жатъ въ исторіи залогомъ возрожденія и возстановленія новой самостоятельной жизни для греческаго народа, которая и началась уже въ значительной части его въ послѣднее время. Во второй четверти нынѣшняго столѣтія исторія греческой церкви, равно какъ и греческаго народа, раздѣляется на двѣ половины. Одна часть церкви и народа доселѣ остается въ условіяхъ порабощеннаго состоянія—со всѣми происходящими отсюда и весьма прискорбными нравственными и матеріальными послѣдствіями. Другая часть, геройскими усиліями пріобрѣтши себѣ свободу, залагаетъ у себя начала новой самостоятельной жизни. И церковная жизнь этой послѣдней части греческаго народа (королевства ново-греческаго), при всей еще новости и незаконченности ея устройства, при всѣхъ опасностяхъ со стороны многихъ посягающихъ на ея самостоятельность силъ, уже начинаетъ обращать на себя вниманіе по живымъ стремленіямъ къ устроенію внутренняго порядка и возстановленію просвѣщенія, обнаруживающимся въ этой церкви.

Рядомъ съ византійскою исторіею идетъ на православномъ востокѣ въ средніе и позднѣйшіе вѣка исторія славянскихъ церквей. Именно въ то самое время, когда стало довольно ясно обнаруживаться раздѣленіе между восточною и западною церквами, совершилось обращеніе къ христіанству, главнымъ образомъ вліяніемъ восточной церкви, многочисленныхъ славянскихъ племенъ. Эти племена съ самаго начала своей христіанской исторіи и сдѣлались между прочимъ однимъ изъ главныхъ предметовъ притязаній и раздора между восточною и западною церквами. Распространеніе христіанства у славянъ имѣло сильное вліяніе на ихъ общее историческое развитіе. Вслѣдъ за принятіемъ христіанства стала развиваться у нихъ политическая и умственная жизнь, яснѣе пробудилось національное сознаніе, сильнѣе укрѣпилась національная самостоятельность, изъ мелкихъ разрозненныхъ племенъ стали образовываться большія и сильныя государства; у народовъ, доселѣ не имѣвшихъ своей грамоты, стала развиваться довольно зна-

чительная литература. Церкви славянскія получили правильную организацію, и явились первыми воспитательницами принадлежащихъ къ нимъ народовъ. Все это первоначально совершилось подъ вліяніемъ Византіи; но затѣмъ скоро славянскія народности и церкви стали пріобрѣтать себѣ самостоятельное значеніе. И болгарская, и сербская, и русская церковь являются черезъ нѣсколько вѣковъ независимыми отъ Византіи и довольно могущественными церквами. Недолго впрочемъ для первыхъ это продолжалось. Послѣ первыхъ эпохъ разцвѣтанія и силы, и то нѣсколько разъ перемежавшихся временами разстройства и упадка, южныя славянскія племена еще ранѣе, чѣмъ греческій народъ, сдѣлались добычею турецкаго завоеванія. Постепенно затѣмъ стала падать и самостоятельность южно-славянскихъ церквей. Подъ турецкимъ подданствомъ славянамъ пришлось жить еще гораздо хуже и тяжеле, чѣмъ грекамъ; они не успѣли пріобрѣсти себѣ у турецкаго правительства такого привиллегированнаго между порабощенными народами положенія, какъ греки, и вмѣстѣ съ политическимъ игомъ турковъ имъ пришлось еще сносить духовное иго своихъ единовѣрцевъ-фанаріотовъ Тѣмъ не менѣе однакожъ задатки самостоятельной національной и религіозной жизни не были окончательно подавлены въ славянскихъ церквахъ и народностяхъ; подъ гнетомъ тяжелаго порабощенія, при крайнемъ упадкѣ умственной жизни, въ нихъ однакожъ сохранились лучшіе залоги къ національному возрожденію и церковному возстановленію. И въ наше время уже начинается, можно сказать, новый періодъ славянской исторіи. На нашей почти памяти совершилось возстановленіе политической и церковной самостоятельности южно-сербскаго народа (хотя доселѣ не всего). На нашихъ глазахъ совершается, и прежде всего выражается утвержденіемъ самостоятельности въ церковной жизни возрожденіе болгарскаго народа, самаго несчастнаго, самаго угнетеннаго изъ всѣхъ христіанскихъ племенъ, подпавшихъ турецкому господству. На нашихъ также глазахъ обнаруживается стремленіе — выйдти изъ исключи-

тельнаго изолированнаго положенія, и вмѣстѣ съ устроеніемъ внутренней жизни стать въ ближайшее отношеніе къ другимъ православнымъ церквамъ со стороны православныхъ сербскихъ и румынскихъ церквей австро-венгерской монархіи, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій проживавшихъ можно сказать въ исключительномъ положеніи, какъ будто совсѣмъ безъ вѣдома другихъ православныхъ церквей. Нельзя не упомянуть и о томъ, что на нашихъ же глазахъ начинается и въ довольно сильной степени обнаруженіе давнихъ недоразумѣній и запутанностей между восточными церквами, которое въ будущемъ должно потребовать болѣе опредѣленной и сообразной съ потребностями и условіями времени установки взаимныхъ отношеній между ними,—можетъ быть въ значительной степени и измѣнить отношенія собственно славянскихъ церквей къ греческимъ церквамъ. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что съ возстановленіемъ національной и церковной самостоятельности славянскихъ народовъ, ихъ исторія получитъ больше значенія въ общей исторіи человѣчества; и въ церковной исторіи на ихъ минувшія судьбы безъ сомнѣнія болѣе будутъ обращать вниманія, чѣмъ доселѣ обращалось. Для насъ русскихъ исторія южно-славянскихъ народностей и церквей имѣетъ особенное значеніе; такъ какъ эти племена ближайшія къ намъ—единовѣрныя и единокровныя намъ. Исторія южно-славянскихъ церквей имѣетъ тѣсную связь съ нашею русскою исторіею; южно-славянскія церкви болгарская и сербская имѣли очень большое вліяніе на нашу древнюю Русь. Нужно думать, что и въ будущемъ исторія южно-славянскихъ народовъ и церквей будетъ развиваться въ ближайшей связи съ русскою исторіею.—Нужно сказать впрочемъ, что во всей области церковно-историческаго изслѣдованія исторія южно-славянскихъ церквей представляетъ самую темную, самую малоизвѣстную, самую неразработанную часть. И первоначальныхъ источниковъ по славянской церковной исторіи извѣстно пока мало; цѣлыя вѣка, цѣлыя историческія эпохи въ жизни нѣкоторыхъ церквей остаются какъ бы пустымъ

пробѣломъ—безъ всякихъ извѣстій. А хорошихъ обработанныхъ пособій по этому предмету въ богатой иностранной литературѣ совсѣмъ почти нѣтъ. Нужно сказать при этомъ, что обозрѣваемая нами область представляетъ еще не мало и другихъ неблагопріятныхъ условій для историческаго изслѣдованія. Здѣсь, частію по новости предмета изслѣдованія, частію по тѣсной связи научнаго вопроса о прошедшей судьбѣ славянъ съ жгучимъ политическимъ вопросомъ о ихъ настоящемъ положеніи и будущей судьбѣ, весьма возможны всякія пристрастныя и односторонніе увлеченія. Здѣсь нерѣдко приступаютъ къ изслѣдованію неизвѣстнаго матеріала прямо съ предзанятою задачею найти въ немъ подтвержденіе извѣстнымъ заранѣе составленнымъ идеямъ, и конечно находятъ то, чего ищутъ. Впрочемъ мало-по-малу изученіе славянской исторіи начинаетъ становиться на научную почву; мракъ, покрывавшій судьбы славянства, начинаетъ разсѣиваться. Политическая исторія южно-славянскихъ народовъ, благодаря трудамъ самихъ же славянскихъ, и между прочимъ нашихъ русскихъ ученыхъ, въ настоящее время представляется уже довольно разъясненною. Начинаетъ мало-по-малу разъясняться и церковная исторія славянъ. Недавно напечатана у насъ книга, представляющая цѣльный очеркъ исторіи православныхъ южно-славянскихъ церквей—болгарской, сербской, боснійской, хорватской, румынской (румынская церковь поставляется въ ряду славянскихъ не по племенной, но по исторической связи религіозныхъ судебъ румынскаго народа съ судьбами южно-славянскихъ народовъ) профессора московской духовной академіи Голубинскаго. Книга эта конечно не удовлетворяетъ потребности яснаго, связнаго и живаго представленія о судьбахъ описываемыхъ народовъ и церквей. Она представляетъ большею частію только сухой матеріалъ, съ первоначальною критическою разработкою фактовъ, и по мѣстамъ съ большими пробѣлами. По тѣмъ не менѣе эта книга уже можетъ служить доказательствомъ того, что въ наше время изученіе славянской церковной исторіи стоитъ на такой ступени, о

какой десять-пятнадцать лѣтъ назадъ еще и думать было нельзя... Кромѣ исторіи южныхъ православныхъ славянскихъ церквей, нашей наукѣ предстоитъ еще задача—въ связи съ судьбою православнаго Востока — разсмотрѣть исторію христіанства у западныхъ славянъ. Не только южные славяне, до нынѣ православные, но и западные — тѣ, которые въ настоящее время принадлежатъ частію къ католическому, частію къ протестантскому исповѣданію, первоначально были православными, и долгое время сохраняли сочувствіе къ православію. Ихъ отторженіе къ западной католической церкви совершено было рядомъ несправедливыхъ насилій и интригъ — въ связи со многими неблагопріятными и запутанными условіями ихъ политической судьбы. Но и послѣ этого отторженія остались въ нихъ и доселѣ сохраняются въ нѣкоторой степени остатки древняго православнаго преданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживается болѣе, чѣмъ у какихъ-либо другихъ западныхъ народовъ, сочувствіе къ восточной церкви, что не безъ основанія даетъ нѣкоторыя надежды, при благопріятныхъ конечно историческихъ обстоятельствахъ, и на возвращеніе этихъ племенъ къ древней вѣрѣ св. Кирилла и Меѳодія. Изслѣдованіе постепеннаго отторженія этихъ племенъ отъ православія въ латинство, и вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненіе доселѣ сохранившихся у нихъ слѣдовъ православія, или по крайней мѣрѣ сочувствія къ православію, представляетъ предметъ очень интересный и важный не только въ теоретическомъ научномъ отношеніи, но и по многимъ практическимъ соображеніямъ, — хотя нужно сказать, что здѣсь-то по преимуществу и нужно остерегаться всякихъ предубѣжденій и ненаучныхъ увлеченій, о какихъ мы выше сказали. Нѣкоторые опыты въ этомъ родѣ и весьма замѣчательные уже есть въ нашей литературѣ,—но цѣльнаго и твердаго представленія объ этомъ предметѣ еще не выработалось пока.

Намъ остается наконецъ наша собственная русская церковная исторія. По особенной своей близости къ намъ, этотъ предметъ заслуживаетъ конечно особаго спеціальна-

го изслѣдованія. Но такъ какъ особенной каѳедры для исторіи русской церкви въ университетѣ не существуетъ, то мы и не считаемъ себя въ правѣ совершенно выдѣлять этотъ предметъ изъ своей программы. Впрочемъ, поставляя себѣ задачею въ своемъ предметѣ обращать вниманіе преимущественно на такія его части, со стороны которыхъ наша наука могла бы быть особенно полезнымъ пособіемъ и восполненіемъ къ другимъ предметамъ общаго историческаго курса, мы думаемъ, что намъ не будетъ особенной надобности давать въ своей программѣ широкое мѣсто русской церковной исторіи. Сколько намъ извѣстно, по тѣсной связи событій церковной жизни съ политическими событіями русской исторіи, на первыя обращается очень довольно вниманія нашими многоуважаемыми сотоварищами—профессорами русской исторіи (политической). Точно также по особенному значенію письменныхъ памятниковъ церковной жизни въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія, на этотъ предметъ обращается большое вниманіе въ исторіи древней русской литературы. Впрочемъ есть въ русской церковной исторіи такія стороны, въ которыхъ мы, думаемъ, своимъ участіемъ въ дѣлѣ могли бы оказать нѣкоторое пособіе своимъ достопочтеннымъ сотоварищамъ — профессорамъ русской исторіи и исторіи русской литературы. Сюда принадлежитъ прежде всего разъясненіе важнѣйшаго для науки и для развитія самой жизни русской вопроса о характерѣ и историческомъ развитіи отношеній между церковію и государствомъ въ Россіи. Объ этомъ предметѣ не мало было толковъ въ нашей русской литературѣ, и толковъ часто односторонникъ, поверхностныхъ, не имѣющихъ твердаго научнаго обоснованія. Намъ кажется, что этотъ вопросъ нельзя разсматривать изолированно — на нашей только русской почвѣ внѣ связи его съ исторіею отношеній между церковью и государствомъ въ другихъ странахъ и церквахъ въ различныя историческія эпохи, и въ особенности внѣ связи его съ общими основами церковной жизни. Въ этой-то сторонѣ дѣла не малое пособіе разъясненію вопроса можетъ оказать трудъ именно

церковнаго историка, имѣющаго спеціальное богословское образованіе. Точно также въ изслѣдованіи русской исторіи требуетъ спеціальныхъ богословскихъ знаній исторія внутренняго развитія религіозной мысли и жизни въ русскомъ народѣ, правда какъ будто и весьма неглубокаго и очень своеобразнаго, но тѣмъ не менѣе совершавшагося на извѣстныхъ своего рода богословскихъ основахъ, что особенно нужно имѣть во вниманіи при изслѣдованіи исторіи образованія и внутренняго развитія русскихъ религіозныхъ сектъ, весьма немалочисленныхъ и немалозначительныхъ для народной жизни. Мы знаемъ, что этимъ предметомъ занимаются и съ большимъ успѣхомъ многіе наши свѣтскіе ученые, т. е. не имѣющіе спеціальнаго богословскаго образованія; но при этомъ не можемъ не замѣтить, что имъ и удается преимущественно разъяснять внѣшнюю сторону этой исторіи. Внутренняя же и существеннѣйшая — т. е. собственно религіозная сторона этой исторіи, сколько намъ извѣстно, поддается лучше разъясненію тѣхъ изслѣдователей, которые приступаютъ къ ней съ спеціальною богословскою подготовкою. Наконецъ укажемъ еще на одинъ предметъ, требующій вниманія. Мы знаемъ, что на изслѣдованіе памятниковъ русской церковной письменности обращается весьма серьезное вниманіе въ исторіи русской литературы; но это относится собственно къ древне-русскимъ церковнымъ памятникамъ вѣка до XVII, т. е. къ памятникамъ той эпохи, когда религіозное начало, на какой бы степени развитія оно тогда ни находилось, было преобладающимъ началомъ русской жизни, и когда, кромѣ произведеній церковнаго содержанія, не было почти никакой письменности въ Россіи. Но произведенія церковной письменности послѣднихъ вѣковъ, когда церковная жизнь въ Россіи тѣснѣе сосредоточивается въ своей непосредственной области, и менѣе соприкасается съ другими сторонами народнаго развитія, когда рядомъ съ церковною письменностію начинаетъ развиваться свѣтская литература, уже менѣе возбуждаютъ къ себѣ вниманія въ исторіи русской литературы. Между тѣмъ эти произведенія послѣд-

нихъ вѣковъ, и по своему собственно научно-богословскому значенію стоятъ выше древнихъ памятниковъ, и имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашему настоящему церковному состоянію, къ настоящему развитію нашей церковной мысли и жизни, къ настоящимъ церковнымъ отношеніямъ. Поэтому, мы думаемъ, и на этотъ предметъ не безполезно было бы намъ, насколько позволитъ время, обратить свое вниманіе.

Такова программа нашего курса съ начала до конца. Какъ ни старались мы ее сокращать и обсѣкать выдѣленіемъ изъ нея всего того, что не относится непосредственно къ нашему предмету, и что представляется не особенно необходимымъ для насъ при здѣшней постановкѣ церковно-историческаго курса, все-таки эта программа выходитъ очень широкая и сложная. При тѣхъ условіяхъ времени, какія могутъ быть предоставлены намъ здѣсь, мы конечно не можемъ успѣвать выполнять эту программу въ одинъ курсъ. Будемъ дѣлать, что сможемъ,— а что успѣемъ сдѣлать, увидимъ.

III.

Въ предшествовавшихъ чтеніяхъ мы опредѣлили предметъ своего церковно-историческаго курса. Скажемъ теперь нѣчто о его направленіи.

Здѣсь мы желали бы съ самаго начала съ возможною ясностью и прямотою поставить и разъяснить слѣдующіе вопросы: должно ли наше изложеніе предмета имѣть только чисто научный, или въ нѣкоторой степени и религіозный характеръ? Должно ли оно быть просто исторіею, или вмѣстѣ съ тѣмъ и апологіею христіанства противъ всякихъ несочувственныхъ ему историческихъ воззрѣній? Имѣемъ ли мы право и въ какой мѣрѣ при изложеніи христіанской исторіи давать мѣсто своимъ личнымъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ относительно христіанства или мы должны всячески держаться въ такомъ положеніи, какъ будто бы у насъ не было никакихъ

личныхъ къ нему отношеній? Должны ли мы къ исторіи христіанства относиться такъ, какъ ко всякой другой исторіи, какъ напр. стали бы мы относиться къ исторіи магометанства и буддизма, или мы должны относиться къ ней, какъ къ исторіи вѣры и церкви, къ которой мы сами принадлежимъ?

Чтобы рѣшать такого рода вопросы на исторической каѳедрѣ, необходимо, намъ кажется, между лекторомъ и слушателями нѣкоторое предварительное соглашеніе въ понятіяхъ о значеніи субъективныхъ и объективныхъ элементовъ въ исторіи,—т. е. тѣхъ элементовъ, которые даются самымъ матеріаломъ научнаго изслѣдованія, и тѣхъ, какіе вносятся личностями изслѣдователей. Мы не будемъ пускаться здѣсь въ глубокое философское изслѣдованіе о томъ, въ какомъ отношеніи находятся эти два элемента въ наукѣ, и какую законную мѣру имѣетъ въ ней каждый изъ нихъ. Съ строго научною точностью этого вопроса, кажется, еще никто не разрѣшалъ, да и едва ли можно его вполнѣ разрѣшить. Для нашей цѣли достаточно будетъ высказать здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ самое простое непосредственное воззрѣніе на этотъ вопросъ. По этому воззрѣнію дѣло представляется въ такомъ видѣ. Объективное, т. е. полное, всестороннее, совершенно соотвѣтствующее своему предмету, отрѣшенное отъ всякихъ личныхъ мнѣній, пристрастій и предубѣжденій, отъ духа времени и партій представленіе историческаго факта или цѣлой области фактовъ конечно есть цѣль—высшій идеалъ науки. Но такое представленіе есть именно конечная цѣль *науки* въ абсолютномъ смыслѣ этого слова,—науки, съ которою не можетъ отожествлять себя ни одинъ изъ частныхъ ея представителей и дѣятелей. Къ этой своей конечной цѣли наука идетъ постепенно, и эта цѣль достигается не единичными успѣхами и талантами, но совокупною дѣятельностью представителей научнаго изслѣдованія. Въ каждомъ же научномъ дѣятелѣ въ отдѣльности необходимо, намъ кажется, долженъ сказываться и непремѣнно сказывается субъективный элементъ. Въ каждой живой личности необходимо должно быть личное воззрѣ-

піе, отношеніе, если угодно сочувствіе и несочувствіе къ тѣмъ фактамъ, которые входятъ въ ея сознаніе, и такъ или иначе соприкасаются съ цѣлымъ строемъ другихъ воззрѣній и фактовъ уже заложенныхъ въ сознаніи, или съ какими либо стремленіями и интересами движущими самою жизнью извѣстной эпохи, извѣстнаго круга людей и т. д. Исторія по преимуществу представляетъ своимъ изслѣдователямъ такого рода матеріалъ, который имѣетъ живое отношеніе къ внутреннему міру воззрѣній и стремленій всякой живой личности, который въ прошедшемъ представляетъ много живыхъ аналогій съ настоящимъ и много данныхъ для всякихъ комбинацій относительно будущаго. Поэтому историку весьма трудно, даже мы думаемъ—совершенно невозможно вполнѣ отрѣшиться отъ всякаго личнаго отношенія къ изслѣдуемому матеріалу. По этому, вполнѣ объективнаго, т. е. совершенно безучастнаго, равнодушнаго, отрѣшеннаго отъ всякой личной мысли, отъ всякаго живаго сочувствія или несочувствія, представленія историческихъ фактовъ быть не можетъ,—преимущественно такого рода фактовъ, которые имѣютъ, какъ мы сказали, близкое отношеніе къ внутреннему міру воззрѣній и стремленій изслѣдователя и окружающей его среды. Появляются иногда въ исторической литературѣ произведенія, имѣющія особенную претензію на объективность представленія. Но въ подобнаго рода произведеніяхъ вмѣсто настоящей истинной объективности,—т. е. полнаго и всесторонняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и живаго представленія фактовъ, мы иногда встрѣчаемъ только поверхностное проникновеніе изслѣдователя своимъ предметомъ, или слабость мысли—недостатокъ живыхъ убѣжденій, или наконецъ слабость таланта—недостатокъ способности живо и рельефно выразить то, что думается и желается высказать объ извѣстномъ предметѣ. Но сухость, безжизненность, безталанность историческаго представленія есть совсѣмъ не то, что истинная его объективность. Субъективный элементъ въ такого рода произведеніяхъ все таки непремѣнно есть; личное отношеніе къ дѣлу высказывается, и нерѣдко еще самое узкое и одностороннее; но оно обнаруживается мало иногда

только по недостатку живаго отношенія къ дѣлу или по слабости таланта. Субъективнаго личнаго отношенія къ предмету никакъ нельзя поэтому избѣжать въ исторіи; вопросъ только можетъ быть о мѣрѣ—о степени его законнаго участія въ историческомъ представленіи.

Признавая неизбѣжнымъ участіе субъективнаго элемента въ развитіи исторической науки, мы конечно должны допускать это участіе въ извѣстныхъ границахъ. И прежде всего субъективное, личное отношеніе къ изслѣдуемому матеріалу не должно составляться въ историкѣ независимо отъ самого матеріала, а должно развиваться на почвѣ этого самого матеріала—въ непосредственной связи съ его изученіемъ. Благопріятное или неблагопріятное, сочувственное или несочувственное, горячее или равнодушное отношеніе историка къ описываемому факту не должно быть преднамѣренно; историкъ не долженъ приступать къ самому изученію факта съ заранѣе составленнымъ рѣшеніемъ—оправдать или осудить этотъ фактъ, представить его въ свѣтломъ или темномъ свѣтѣ; сочувствіе или несочувствіе къ факту должно сознательно развиваться въ историкѣ вмѣстѣ съ изученіемъ самого факта. Тѣмъ болѣе личное отношеніе историка къ описываемому факту не должно быть завѣдомо фальшиво; оно не должно состоять въ поддѣлкѣ факта подъ готовое заранѣе составленное воззрѣніе, въ игнорированіи и опущеніи такихъ его сторонъ, которыя не подходятъ подъ это воззрѣніе, и въ усиленно яркомъ освѣщеніи и прикрашиваніи такихъ сторонъ, которыя наиболѣе благопріятствуютъ принятому воззрѣнію. Первое качество въ историкѣ, безъ котораго нельзя быть не только повѣствователемъ о великихъ всемірно-историческихъ событіяхъ, но и разскащикомъ о мелкихъ случаяхъ обыденной жизни, есть искренность и добросовѣстность въ отношеніи къ дѣлу. Приступая къ изслѣдованію извѣстнаго предмета историкъ долженъ поставить себѣ долгомъ—принять во вниманіе все, что могутъ открыть ему объ этомъ предметѣ имѣющіяся на лице матеріалъ и разборчивая критика; приступая

къ самому изображенію предмета, историкъ долженъ всячески стараться представить извѣстное событіе не только въ общихъ его чертахъ, но и въ частныхъ оттѣнкахъ именно такъ, какъ оно представляется ему во внутреннемъ его сознаніи по серьезномъ и всестороннемъ изслѣдованіи, внимательной критикѣ и серьезномъ обмышленіи матеріала. Составляя свое представленіе объ извѣстномъ фактѣ, историкъ не долженъ оставлять безъ вниманія и всякихъ другихъ представленій о немъ, принадлежащихъ другимъ изслѣдователямъ науки. Онъ долженъ внимательно изучить, провѣрить и сравнить ихъ; и если его собственное изслѣдованіе о фактѣ не можетъ прибавить ничего новаго, болѣе приближающагося въ истинѣ, къ прежнему уже существовавшему въ наукѣ *представленію факта*, онъ и не имѣетъ права замѣнять прежняго представленія новымъ представленіемъ. Если же историкъ въ свое представленіе вноситъ что либо новое особенное; онъ долженъ имѣть твердыя основанія для этого. Точно также конечно и съ другой стороны историкъ не имѣетъ права держаться на какомъ либо извѣстномъ, прежде сложившемся въ наукѣ представленіи факта, если есть какіе нибудь новыя данныя—открытія и доводы противъ этого представленія; сознательно отвергать и игнорировать такія данныя, или искусственно съ намѣреннымъ искаженіемъ дѣла подводить ихъ подъ свои предзанятыя представленія—было бы прямо дѣломъ недобросовѣстнымъ. И при всемъ томъ однакожъ, какъ бы искренно и добросовѣстно ни относился историкъ—изслѣдователь къ своему дѣлу, какъ бы безпристрастно и всесторонне ни изучалъ онъ предлежащаго ему матеріала, и ни провѣрялъ своихъ представленій о дѣлѣ со всякими другими представленіями, личное субъективное отношеніе къ дѣлу все таки останется въ немъ,—и скажется невольно и безсознательно—и въ самой разработкѣ историческаго матеріала, на какихъ частяхъ его преимущественно остановится вниманіе историка,—и въ критикѣ матеріала, въ какую сторону особенно направится эта критика,—и наконецъ въ изображеніи факта, въ группировкѣ и освѣщеніи событій, какія стороны ихъ болѣе выдвинутся напередъ срав-

нительно съ другими, на какія стороны выпуклѣе ляжетъ отображеніе свѣта и тѣни и т. д. Такимъ образомъ, строго говоря, ни одинъ историкъ во имя своихъ чисто научныхъ убѣжденій не можетъ вполнѣ и безусловно ручаться за то, что онъ представилъ извѣстный фактъ во всемъ именно такъ, какъ онъ происходилъ на самомъ дѣлѣ. Онъ можетъ и долженъ ручаться только за то, какъ этотъ фактъ представляется ему совершившимся по всестороннемъ и добросовѣстномъ изученіи всѣхъ сохранившихся свѣденій о немъ, по внимательной провѣркѣ этихъ свѣденій и серьезномъ обмышленіи ихъ. Оттого-то между прочимъ нѣтъ ни одного историческаго труда, противъ котораго критика не могла бы сдѣлать какихъ либо замѣчаній. Оттого нѣтъ ни одного историческаго произведенія, о которомъ бы можно было сказать, что оно вполнѣ совершенно и окончательно воспроизводитъ извѣстный фактъ или извѣстную эпоху, и что далѣе по этому предмету уже не нужны и невозможны никакія новыя болѣе полныя или болѣе правильныя въ извѣстныхъ пунктахъ представленія и изслѣдованія. Печать субъективности, ограниченности, неполноты представленія болѣе или менѣе лежитъ на всякомъ историческомъ произведеніи. И что дѣлать, мы должны мириться съ этимъ, какъ со всѣми другими проявленіями человѣческой ограниченности. И мало того, что мириться,—мы должны пользоваться этимъ несовершеннымъ матеріаломъ — этими произведеніями ограниченныхъ силъ—къ постепенному созиданію идеальной науки, держащейся на безусловныхъ законахъ и требованіяхъ истины. Наши знанія и всѣ наши труды ограничены; но они не пичтожны, не эфемерны. Они не представляютъ прямаго отрицанія и противоположенія безусловнымъ идеальнымъ требованіямъ истины и жизни; но, при всей своей ограниченности, они развиваются на тѣхъ же безусловныхъ законахъ истины и жизни. На всемъ, что мыслитъ и дѣлаетъ каждый изъ насъ, лежитъ печать субъективности—ограниченности, но въ общемъ теченіи жизни, въ общемъ развитіи науки одна субъективность и ограниченность восполняется и исправляется другими. Только бы не

было намѣреннаго уклоненія отъ общихъ и ясныхъ для всѣхъ въ основѣ своей требованій истины; только бы не было завѣдомо не-искреннихъ и фальшивыхъ отношеній къ дѣлу. Изъ частныхъ усилій и трудовъ зиждется наука; изъ неполныхъ, односторонних, субъективныхъ представленій извѣстнаго историческаго явленія постепенно вырабатывается болѣе и болѣе полное, многостороннее, объективно-научное представленіе его. Объективный и субъективный элементы въ исторической наукѣ, строго говоря, не должны быть противополагаемы одинъ другому. Это не противоположныя другъ другу, не исключающія другъ друга, а взаимно соподчиненныя одно другому и восполняющія другъ друга понятія. Объективное въ наукѣ вырабатывается и созидается изъ субъективнаго, а не чрезъ отрицаніе субъективнаго. Поэтому, намъ кажется, и нѣтъ надобности изслѣдователямъ исторіи отказываться совсѣмъ отъ субъективнаго личнаго, живаго отношенія къ своему предмету, и стараться представлять изъ себя что либо въ родѣ ходячаго механически-безсознательнаго и безчувственнаго аппарата для переработки мертвыхъ историческихъ матеріаловъ. Исторія сама есть жизнь, и пониманіе ея дается личному живому убѣжденію. Личное живое отношеніе къ дѣлу (разумѣется—повторимъ опять—искреннее и добросовѣстное, основывающееся на возможно-полномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи дѣла, а не какое либо завѣдомо-фальшивое, намѣренно-узкое, отсталое и одностороннее), оно именно и даетъ представленію историческихъ фактовъ тотъ свѣтъ, тотъ смыслъ, ту жизнь, безъ которыхъ самые матеріалы исторической науки такъ бы и оставались грудою мертвыхъ матеріаловъ, ничего не говорящихъ обломковъ нѣкогда процвѣтавшей, развивавшейся и имѣвшей свое разумное значеніе жизни.

Мои уважаемые слушатели, занимающіеся спеціальнымъ изученіемъ наукъ историческихъ, пусть извинятъ меня въ томъ, что я позволяю себѣ излагать передъ ними самыя элементарныя понятія исторіи. Раскрытіемъ этихъ понятій, я конечно имѣю въ виду не новое что-либо сообщить своимъ слушателямъ, а

только опредѣленіе установить и выяснить свое собственное отношеніе къ дѣлу. Область фактовъ церковно-историческихъ, по преимуществу можно сказать, есть такая область въ наукѣ, въ которой понятія о субъективномъ и объективномъ элементахъ науки должны быть установлены съ особенною строгостію и тщательностію; при смѣшеніи и неясности этихъ понятій здѣсь по преимуществу могутъ заявляться всякаго рода сужденія и требованія неблагопріятныя для правильнаго отношенія къ дѣлу. И многія изъ этихъ понятій, только что высказанныхъ нами, намъ можетъ быть придется припоминать—или про себя разумѣть—при изложеніи разныхъ частныхъ фактовъ нашей науки. Поэтому, чтобы въ нашихъ отношеніяхъ къ дѣлу не представлялось неопредѣленностей, мы и сочли не лишнимъ при началѣ — при самой установкѣ своего курса въ университетскомъ преподаваніи высказать свой взглядъ по этому предмету.

Итакъ какое же заключеніе изъ сказаннаго мы должны вывести въ отвѣтъ на поставленные выше вопросы? Можемъ ли мы въ своемъ изложеніи исторіи христіанства давать мѣсто своимъ личнымъ религіознымъ убѣжденіямъ о немъ, или должны излагать ее, какъ предметъ совершенно намъ чуждый — какъ исторію какого нибудь буддизма или шаманства? Должны ли мы въ своемъ изложеніи имѣть въ виду просто исторію, или своего рода и апологію христіанства? Безъ сомнѣнія, если есть въ насъ живыя религіозныя убѣжденія о христіанствѣ, они скажутся сами собою въ нашемъ изложеніи христіанской исторіи, сколько бы мы ни старались придавать ему только чисто научный характеръ — безъ всякой религіозной тенденціи. Но съ другой стороны, если есть въ насъ, при нашихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, истинное пониманіе требованій науки и добросовѣстное отношеніе къ нимъ, то безъ сомнѣнія живое религіозное отношеніе къ той вѣрѣ и церкви, исторію которой мы будемъ излагать, ни мало не повредитъ искреннему и строго научному представленію этой исторіи, только дастъ ему болѣе живой и одушевленный характеръ. А въ какой мѣрѣ въ насъ есть то и другое, и какъ совмѣ-

щается одно съ другимъ, объ этомъ судить конечно не намъ, и этого опредѣлить нельзя предварительно, пока мы не приступали къ изложенію самаго дѣла. Это лучше можно будетъ опредѣлить нашимъ слушателямъ изъ самаго дѣла, насколько скажется въ нашемъ изложеніи и чисто-научное и вмѣстѣ съ тѣмъ искренне-религіозное отношеніе къ предмету... А на другой изъ поставленныхъ вопросовъ о чисто историческихъ и апологетическихъ цѣляхъ въ изложеніи исторіи христіанства мы должны дать такой отвѣтъ. Если есть въ исторіи христіанства такія стороны, которыя оправдываютъ вѣру въ него и приверженность къ нему, то безъ сомнѣнія самое по возможности вѣрное и строго-научное представленіе этихъ сторонъ и должно быть въ церковной исторіи лучшею апологіею христіанству, къ которой нѣтъ надобности прибавлять какихъ либо личныхъ измышленій въ пользу его.

Мы должны при этомъ сказать еще, что исторія христіанства по преимуществу — болѣе, чѣмъ всякая другая исторія, требуетъ отъ изслѣдователя живаго отношенія къ себѣ. Безъ сомнѣнія между фактами историческими есть большая разница въ ихъ отношеніи къ нашему личному пониманію, въ ихъ степени близости къ нашимъ живымъ воззрѣніямъ и интересамъ. Безъ сомнѣнія не съ одинаковою степенью живаго участія, личнаго сочувствія или несочувствія къ предмету, какой бы то ни было историкъ будетъ изслѣдовать исторію ближайшей къ его времени эпохи или отдаленнѣйшей, — исторію своего отечества или какой-либо страны находящейся совсѣмъ въ другой части свѣта, — фактъ значительнѣйшій по своему всемірно-историческому вліянію или самый незначительный, — явленіе представляющее ближайшую аналогію съ окружающею насъ жизнью, или не имѣющее къ ней никакого отношенія. Безъ сомнѣнія, странно было бы историку, повѣствующему о судьбахъ древняго Египта или Вавилона, вносить въ свои изслѣдованія особенный жаръ личныхъ сочувствій и несочувствій, или проводить въ нихъ какія-либо примѣненія, къ современнымъ событіямъ (хотя и это бываетъ иногда). Но съ другой стороны въ такой же степени странно повѣствовать о

судьбахъ своего собственнаго отечества или опредѣлять значеніе какой-либо ближайшей къ своему времени и значительнѣйшей исторической эпохи съ такимъ же безучастіемъ, какъ будто бы дѣло шло о какихъ-либо происшествіяхъ въ древнеассирійскомъ царствѣ или на отдаленнѣйшемъ островѣ Австраліи. Исторія христіанства принадлежитъ именно къ предметамъ такого рода, о которыхъ нельзя говорить безучастно и равнодушно. Исторія христіанства не есть исторія явленія давно прошедшаго, явленія незначительнаго — поверхностно коснувшагося жизни міра, — явленія далекаго и чуждаго нашей современной жизни, нашимъ живымъ убѣжденіямъ и интересамъ. Христіанство во всякомъ случаѣ произвело величайшій переворотъ въ исторіи человѣчества въ самыхъ глубочайшихъ ея основахъ. Слѣдствія этого переворота во всей силѣ сказываются доселѣ въ громадной части человѣческаго рода. Мы—всѣ европейскіе народы—находимся подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанства. Исторія христіанства имѣетъ живое отношеніе къ самымъ внутреннимъ, самымъ глубокимъ основамъ современной жизни — къ религіозно-нравственнымъ убѣжденіямъ общества. Съ другой стороны о сущности и значеніи христіанства, о благопріятныхъ или неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ его вліянія на жизнь человѣчества существуетъ множество разнообразныхъ мнѣній. Изъ-за этого предмета издавна велись, и въ настоящее время больше, чѣмъ когда нибудь, ведутся самые горячіе споры. Рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону здѣсь сопровождается важнѣйшими практическими послѣдствіями въ самыхъ существенныхъ сторонахъ жизни. Можно ли историку относиться равнодушно и безучастно къ явленіямъ такого рода,—и такому притомъ историку, который самъ, независимо отъ его личныхъ убѣжденій, живетъ въ средѣ, пропитанной христіанскими идеями и вліяніями, и находится въ виду борьбы между сочувственными и непріязненными христіанству воззрѣніями? Можно ли въ этой борьбѣ найти себѣ какое-либо нейтральное положеніе, не становясь на ту или другую сторону? Можно ли мечтать

о какой-либо совершенно объэктивной, отрѣшенной отъ всякихъ личныхъ сочувствій и несочувствій, исторіи христіанства? Такой исторіи, намъ кажется, въ настоящее время не могъ бы представить не только христіанинъ, но и магометанинъ или язычникъ, взявшійся повѣствовать о судьбахъ и значеніи христіанства. На сколько первому трудно было бы отрѣшиться отъ своихъ личныхъ сочувствій къ христіанству, на столько послѣднимъ было бы трудно равнодушно говорить о значеніи факта, имъ несочувственнаго, но тѣмъ не менѣе имѣвшаго и имѣющаго неотрицаемо-величайшее вліяніе въ исторіи человѣчества. Если мы станемъ внимательно разсматривать существующіе, когда-либо составлявшіеся и до настоящаго времени составляемые опыты исторіи христіанства, мы навѣрное не найдемъ между ними ни одного такого, который бы можно было назвать вполнѣ объективнымъ представленіемъ этой исторіи, отрѣшеннымъ отъ всякихъ личныхъ сочувствій или несочувствій, отъ всякаго духа времени, школы и партіи, отъ всякихъ общественныхъ, религіозныхъ и философскихъ воззрѣній. Бываютъ поверхностныя, не глубокія представленія христіанской исторіи, въ которыхъ живое личное отношеніе писателей къ своему предмету мало сказывается потому именно, что эти представленія мелки и поверхностны; но мелочное и поверхностное представленіе дѣла совсѣмъ не то, что научно объективное. Между такими же представленіями христіанства, которыя сколько нибудь серьезно и глубоко относятся къ своему предмету, мы знаемъ съ одной стороны представленія проникнутыя христіанскимъ убѣжденіемъ и сочувственно относящіяся къ христіанству, съ другой стороны представленія отрицающія христіанство и враждебно относящіяся къ нему. Субъективность, личное пристрастіе или предубѣжденіе, сочувствіе или несочувствіе въ извѣстной степени должны отражаться на тѣхъ и другихъ. И они дѣйствительно отражаются на представленіяхъ несочувственныхъ христіанству еще гораздо болѣе, чѣмъ на сочувственныхъ. Совершенно несправедливо предположилъ бы кто нибудь, что въ представ-

ленія христіанской исторіи, которыя наиболѣе проникнуты христіанскимъ направленіемъ, отличаются большею тенденціозностью и произволомъ въ изображеніи фактовъ,—въ сочиненіяхъ же, выходящихъ изъ несочувственнаго христіанству лагеря — больше будто бы научнаго безпристрастія и объективности. Совершенно наоборотъ. Всѣмъ знакомымъ съ исторіею нашей науки должно быть извѣстно, что наибольшимъ пристрастіемъ, произволомъ, тенденціозностью, отрѣшенностью отъ исторической почвы, искаженіемъ научныхъ пріемовъ изслѣдованія отличаются—именно враждебныя христіанству сочиненія о христіанской исторіи. Мы не станемъ указывать здѣсь для примѣра на многія такія объясненія фактовъ христіанской исторіи, которыя бывали въ ходу у непріязненныхъ христіанству писателей прежнихъ вѣковъ, напр. на объясненія мученическаго героизма между христіанами первыхъ вѣковъ болѣзненною экзальтаціею или особеннаго рода честолюбіемъ,—на объясненія происхожденія важнѣйшихъ догматовъ и учрежденій въ церкви христіанской личнымъ вліяніемъ извѣстныхъ учителей церковныхъ, приказами царскими и т. под. Подобныя объясненія, совершенно чуждыя историческимъ основаніямъ, противныя всякому здравому историческому смыслу, конечно въ настоящее время не будутъ уже болѣе повторяться серьезными людьми. Но обратимъ вниманіе на болѣе близкихъ къ нашему времени, и особенно заявлявшихъ претензіи на научную объективность, изслѣдователей христіанской исторіи изъ лагеря враждебнаго христіанству. Намъ будетъ случай, при самомъ началѣ изложенія христіанской исторіи, касаться представленій о ней выработавшихся въ извѣстной германской ново-тюбингенской школѣ, такъ славившейся недавно своимъ противохристіанскимъ направленіемъ. Нельзя не признать въ нѣкоторыхъ представителяхъ этой школы обширной учености, замѣчательныхъ критическихъ талантовъ, способности къ глубокому философскому пониманію исторіи. И между тѣмъ оттого именно, что ихъ представленія о христіанской исторіи вырабатывались подъ вліяніемъ непріяз-

пеннаго къ христіанству отношенія, — оттого, что они прямо ставили себѣ задачею создать иныя представленія о христіанствѣ, чѣмъ какія держатся между послѣдователями христіанства, — сколько въ этихъ представленіяхъ вышло произвола, натяжекъ, ни на чемъ не основанныхъ гаданій, тенденціозныхъ умолчаній, фальшивыхъ обобщеній и заключеній, нарушенія всякихъ законовъ логической и исторической правды!...

Такимъ образомъ отрѣшенное отъ живыхъ религіозныхъ убѣжденій и отрицательно относящееся къ христіанству научное направленіе нисколько не предохраняетъ отъ крайностей самого неумѣреннаго и произвольнаго субъективизма въ представленіи христіанской исторіи; и напротивъ направленіе христіанское, проникнутое живымъ религіознымъ убѣжденіемъ, само по себѣ нисколько не располагаетъ къ этимъ крайностямъ. Мы должны сказать болѣе. Истинно христіанское направленіе въ наукѣ должно именно всего болѣе отрѣшать своихъ послѣдователей отъ крайностей произвольнаго субъективизма, и ставить ихъ въ самое серьезное и искреннее отношеніе къ высшимъ требованіямъ науки. Христіанство не есть религія лжи, но религія высшей божественной истины. У христіанства и у науки одна цѣль—истина. Поэтому ничто служащее къ открытію и уясненію научной истины не отвергается истиннымъ христіанствомъ, и ничто въ существѣ дѣла противное научной истинѣ не принимается и не оправдывается имъ. Всякіе пріемы и тенденціи, противныя наукѣ, въ такой же степени противны и истинному христіанству. Напр. правильное пониманіе христіанства вовсе не требуетъ и не допускаетъ того, чтобы въ интересахъ христіанской религіи распространялись какія-либо вымышленныя сказанія, поддерживались темныя суевѣрія, выдумывались небывалыя чудеса, сочинялись фальшивые историческіе памятники и т. д. Это противно истинному христіанству столько же, сколько и истинной наукѣ. Неразумные ревнители христіанства, не понимающіе его духа и силы, могутъ иногда прибѣгать къ такимъ способамъ для его возвышенія; но само христіанство

этого не требуетъ; оно отрицаетъ всякую ложь въ наукѣ, какъ и въ жизни. И такіе пріемы конечно ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть полезны христіанству, не могутъ способствовать его возвышенію или утвержденію. Это только по виду можетъ иногда такъ казаться и на нѣкоторое время, что подобные пріемы могутъ быть употребляемы въ интересахъ христіанства; въ сущности же—въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ это всегда ведетъ къ униженію, искаженію и подрыву христіанства... Точно также здравое пониманіе христіанства вовсе не требуетъ и не допускаетъ того, чтобы въ наукѣ какъ нибудь фальшиво прикрашивались и преувеличивались факты прямо говорящіе въ пользу христіанской церкви, а факты, въ какомъ-либо отношеніи представляющіеся неблагопріятными ей опускались, смягчались или представлялись въ ложномъ свѣтѣ. Согласно съ строгимъ христіанскимъ убѣжденіемъ, нужно думать, что христіанская исторія, какова она есть, какъ она происходила на самомъ дѣлѣ, несравненно выше всякихъ произвольныхъ, вымышленныхъ, прикрашенныхъ и преувеличенныхъ представленій о ней. Поэтому нужно быть увѣреннымъ въ томъ, что то именно представленіе христіанской исторіи, которое поставляетъ себѣ цѣлію раскрытіе истины во всей искренности и полнотѣ, по возможности точное и вѣрное изображеніе какъ благопріятныхъ, такъ и неблагопріятныхъ фактовъ христіанской жизни, есть самое величественное, самое въ существѣ дѣла благопріятное для христіанства, истинно-христіанское представленіе. И напротивъ, всякое сознательно фальшивое, намѣренно прикрашенное и преувеличенное изображеніе фактовъ христіанской исторіи обличаетъ уже нѣкоторое невѣріе въ истину христіанства, нѣкоторый соблазнъ извѣстными сторонами или фактами христіанской исторіи, неспособность помирить эти факты съ сочувственнымъ отношеніемъ къ христіанству. Истинно христіанское пониманіе исторіи также вовсе не требуетъ и того, чтобы историкъ, поставляющій себѣ задачею изобразить величіе христіанства, представлялъ всякія враждебныя ему

силы слабыми, мелкими, ничтожными, не стоющими вниманія. Этимъ по истинѣ умалялось бы значеніе самаго христіанства, и отнималась бы у него по праву ему принадлежащая честь побѣды не только надъ слабыми, мелкими, ничтожными, но и надъ очень значительными и крѣпкими стихіями и силами, враждебными ему. Точно также съ истинно-христіанскимъ представленіемъ фактовъ церковной исторіи вовсе несогласно— что называется—игнорировать другія представленія этихъ фактовъ, исходящія изъ направленій и теорій несочувственныхъ христіанству, или въ критикѣ такихъ теорій представлять дѣло въ искаженномъ видѣ, выставлять на видъ только ихъ слабыя стороны, утаивать наиболѣе сильныя и т. д. Всѣми подобными пріемами, оцять скажемъ, историкъ не услугу истинную можетъ оказать христіанству, а только въ сущности повредить ему. Поддерживая христіанство фальшивыми средствами, тѣмъ самымъ можно выказать и свое собственное недовѣріе къ истинной силѣ христіанства, и другимъ внушить неправильную мысль, что оно не можетъ держаться безъ какихъ-нибудь искусственныхъ фальшивыхъ подпорокъ...

Несправедливо также думаютъ многіе не только изъ противниковъ христіанства, но и изъ людей сочувствующихъ ему, но недостаточно разумѣющихъ его духъ и силу, будто въ области христіанской науки не могутъ найти себѣ мѣста свободное изслѣдованіе, научная критика и т. д. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанской исторіи, съ древнѣйшихъ великихъ отцевъ церкви и самыхъ апостоловъ, христіанская мысль усвоила себѣ такую широту и свободу изслѣдованія и сужденія, что позднѣйшимъ представителямъ христіанскаго направленія въ наукѣ нужно только въ этомъ отношеніи слѣдовать примѣру своихъ первыхъ руководителей, для того, чтобы христіанская наука всегда стояла на высокой степени свободнаго развитія. Что касается до научной критики, она также въ существѣ своемъ не только не отвергается христіанствомъ, но всегда была однимъ изъ существенныхъ элементовъ въ развитіи христіанской мысли и жизни. Можно сказать, христіанство само

представляетъ въ себѣ постоянную критику, со всею твердостію утверждая извѣстныя теоретическія и практическія положенія какъ истинныя, и отрицая другія какъ не истинныя. Церковь христіанская съ самаго начала пользовалась критикою, какъ лучшимъ средствомъ охраненія и очищенія истины отъ примѣсей лжи. Критикою въ первые вѣка опредѣлено самое основаніе вѣры — канонъ священныхъ книгъ. Критикою, тщательнымъ изслѣдованіемъ признаковъ внутреннихъ и внѣшнихъ опредѣлено, какія изъ писаній распространенныхъ въ христіанскомъ обществѣ подъ именемъ апостоловъ признавать подлинными, и какія неподлинными,—какія изъ дѣяній и чудесъ приписываемыхъ Іисусу Христу и апостоламъ считать истинными, и какія отвергнуть, какъ мало достовѣрныя. Критика имѣла чрезвычайно большое значеніе въ развитіи христіанскаго богословія, въ уясненіи и опредѣленіи догматовъ вѣры; посредствомъ критики великіе учители церкви и самые церковные соборы опредѣляли, какія изъ мнѣній распространяющихся въ христіанскомъ обществѣ признать наиболѣе точнымъ выраженіемъ истины, и какія нѣтъ,—какія мнѣнія считать общимъ вѣрованіемъ церкви и какія частнымъ мнѣніемъ лица, хотя бы и уважаемаго церковію, но въ данномъ случаѣ имѣющаго за собою только личный авторитетъ. Критика имѣла также большое значеніе и во внѣшнемъ устроеніи церкви— въ устроеніи церковнаго обряда и церковной администраціи; критикою опредѣляла церковь, какія изъ обрядовъ и учрежденій ветхозавѣтныхъ іудейскихъ и даже языческихъ принять, какъ годныя для выраженія новыхъ христіанскихъ началъ, и какія отвергнуть, какъ обряды и учрежденія противныя христіанскимъ идеямъ... Правда, критикѣ всегда давалось въ церкви христіанской не вполнѣ самостоятельное, а только вспомогательное значеніе, она считалась не цѣлію, а средствомъ къ уясненію истины; ей поэтому полагались здѣсь извѣстные предѣлы, извѣстная мѣра. Но таково же, мы думаемъ, должно быть положеніе критики и въ истинной наукѣ; и здѣсь она также должна быть только средствомъ, а не конечною цѣлію,

если только сама наука должна служить къ уясненію, а не къ затемненію истины,—къ утвержденію между людьми правильныхъ, а не къ низпроверженію всякихъ убѣжденій. Если въ древней церкви не всѣ соприкасающіяся съ христіанскою идеею явленія въ области мысли и жизни провѣрены были критикою, то этимъ самымъ древніе христіанскіе вѣка оставили работу позднѣйшимъ вѣкамъ. Позднѣйшая христіанская наука не можетъ остановиться на томъ, на чемъ остановилась древняя христіанская наука, она должна идти далѣе, руководясь только тѣмъ же духомъ, тѣми же началами въ отличеніи истины отъ лжи, какими руководилась древняя христіанская наука—древняя Церковь... Такъ истинно-христіанское направленіе въ исторіи не только не отрицаетъ ни одного изъ здравыхъ требованій и пріемовъ научнаго изслѣдованія, но даетъ этимъ пріемамъ и требованіямъ большую твердость и обязательность, даетъ имъ—такъ сказать, кромѣ отвлеченно научнаго значенія—религіозно-нравственную санкцію. Служеніе истинѣ, высшее требованіе науки, для представителя истинно-христіанскаго направленія въ наукѣ есть не только требованіе общей отвлеченной идеи, или удовлетвореніе внутреннему субъективному чувству истины, но вмѣстѣ съ тѣмъ высшій нравственный долгъ, дѣло совѣсти, служеніе живому Богу. Намъ могутъ возразить, что нашъ научный и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозный идеалъ не всегда находитъ себѣ оправданіе въ дѣйствительности, — что въ дѣйствительности подъ видомъ и названіемъ христіанскаго направленія въ наукѣ вносятся иногда въ научную область пріемы и тенденціи противныя требованіямъ истины и цѣлямъ научнаго развитія... Мы этого отрицать не будемъ, — хотя замѣтимъ опять, что отъ подобныхъ тенденцій и пріемовъ не спасаетъ науку и нехристіанское направленіе; напротивъ въ этомъ послѣднемъ направленіи всякія лживо-научныя воззрѣнія и тенденціи всего скорѣе могутъ находить себѣ мѣсто. Но во всякомъ случаѣ злоупотребленія именемъ христіанства не должны служить нареканіемъ самому христіанству. Что между послѣдователями такъ-называемаго

христіанскаго направленія въ наукѣ есть люди допускающіе и легковѣріе, и суевѣріе, и поддѣлку и ложь—въ интересахъ христіанства, въ этомъ конечно не виноватъ принципъ христіанской науки, который есть принципъ самой строгой истины. Что въ христіанствѣ вообще есть люди и суевѣрные, и легковѣрные, и тупоумные, и малодушные,—въ этомъ невиновато само христіанство, точно такъ же, какъ невиновата сама по себѣ и наука въ томъ, въ чемъ нерѣдко представляются поводы упрекать ея наиболѣе бездарныхъ, безталанныхъ, недобросовѣстныхъ и прямо злонамѣренныхъ дѣятелей. Мы, когда ставимъ христіанское направленіе въ наукѣ высшимъ идеаломъ для ея развитія, разумѣемъ конечно это направленіе не въ худшихъ его проявленіяхъ, а въ томъ лучшемъ его смыслѣ, которымъ, повторяемъ, не только не отрицаются, не только утверждаются, но еще болѣе возвышаются—съ высшей религіозной точки зрѣнія освящаются всѣ истинныя научныя требованія.

Мы желали бы идти далѣе въ развитіи нравственной стороны своего идеала. Мы желали бы,—и считаемъ это существенно важнымъ въ интересахъ самой науки,—чтобы наше изложеніе церковной исторіи имѣло не только христіанскій, но именно православно-христіанскій характеръ. Такое заявленіе, если не считать его фразою, конечно, еще болѣе можетъ вызвать недоразумѣнія; такъ какъ о православномъ направленіи и въ самой жизни, а тѣмъ болѣе въ наукѣ, многіе и у насъ еще имѣютъ не совсѣмъ лестное представленіе. Могутъ сказать: «Зачѣмъ еще въ область научнаго изслѣдованія исторіи вносить частныя особенности вѣроисповѣдныхъ христіанскихъ воззрѣній? И какое мѣсто можетъ быть имъ здѣсь? Если эти особенности имѣютъ извѣстное значеніе въ области догматики, то какое отношеніе могутъ они имѣть къ пониманію историческихъ фактовъ? Извѣстный фактъ христіанской исторіи развѣ не одинаковъ долженъ быть для православнаго, католика и протестанта?» Такъ оно конечно должно быть по идеѣ науки, но не такъ оно бываетъ на самомъ дѣлѣ. Мы уже ска-

зали выше, что идеальной науки, совершенно объективной, отрѣшенной отъ всякихъ личныхъ воззрѣній, мы не знаемъ, а знаемъ науку дѣйствительную, въ которой имѣютъ большое значеніе личныя воззрѣнія, и между прочимъ въ фактахъ относящихся къ исторіи религіозной—и воззрѣнія вѣроисповѣдныя. Внимательно разсмотрѣвъ извѣстнѣйшія сочиненія по церковной исторіи, мы найдемъ, что одни изъ нихъ имѣютъ католическій, другія протестантскій характеръ, и что католическое и протестантское пониманія и изложенія церковной исторіи въ извѣстныхъ пунктахъ существенно различаются между собою. Если же есть католическое и протестантское пониманіе и изложеніе церковной исторіи, то почему не быть православному? Новое самостоятельное православное направленіе въ области церковной исторіи, по существу своему, не только не должно вносить какихъ-либо запутанностей въ эту область, но напротивъ оно должно существенно восполнить доселѣ развивавшіяся въ церковно-исторической наукѣ односторонніе направленія, должно поставить науку на твердую ей наиболѣе соотвѣтственную почву. Никто изъ людей безпристрастныхъ не станетъ отрицать того, что какъ католическія, такъ и протестантскія изложенія церковной исторіи представляютъ не мало недостатковъ и односторонностей, требующихъ восполненія и исправленія. Прежде всего это замѣчается уже въ самомъ содержаніи церковно-исторической науки. Въ одной изъ предшествовавшихъ лекцій мы обращали вниманіе на то, что западные церковные историки со времени раздѣленія церквей занимаются почти исключительно исторіею западной церкви, а на восточную православную почти не обращаютъ вниманія. Западной исторіи въ большомъ церковно-историческомъ обозрѣніи посвящается нѣсколько томовъ, а на восточную удѣляется нѣсколько страницъ. Ужели и наши православные историки должны слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру западныхъ? Въ нашихъ православныхъ исторіяхъ восточнымъ церквамъ не должно ли быть даваемо хоть столько же мѣста, сколько западнымъ католическимъ и протестант-

скимъ? Если это требованіе будетъ выполнено православною наукою, развѣ не будетъ православная наука существеннымъ дополненіемъ къ наукѣ католической и протестантской? Если отъ содержанія исторіи обратиться къ научной постановкѣ частныхъ фактовъ ея, къ историческому освѣщенію ихъ, въ этомъ отношеніи католическое и протестантское изложенія церковной исторіи также представятъ намъ не мало своеобразностей и односторонностей, требующихъ восполненія и болѣе вѣрной постановки. Напр. католическіе историки въ исторіи христіанства стараются по преимуществу слѣдить идею папства, въ ней поставляютъ главное основаніе и средоточіе развитія церковной жизни, по ней опредѣляютъ значеніе всякихъ другихъ церковно-историческихъ явленій. Ужели православному историку въ этомъ отношеніи нужно слѣдовать за католическими историками? Протестантскіе историки, излагая исторію христіанства первыхъ вѣковъ, стараются представлять ее въ такомъ видѣ, чтобы она служила оправданіемъ позднѣе образовавшимся воззрѣніямъ и организаціи протестантскихъ обществъ. Ужели православному историку нужно слѣдовать такимъ представленіямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они соединяются съ явною натяжкою историческихъ фактовъ? Мы не будемъ перечислять здѣсь частныхъ пунктовъ церковной исторіи, въ объясненіи которыхъ католическіе и протестантскіе ученые расходятся между собою,—и какъ тѣ, такъ и другіе, отражая въ своихъ представленіяхъ односторонности вѣроисповѣдныхъ началъ католичества и протестантства, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о необходимости новой, болѣе правильной постановки фактовъ въ церковной исторической наукѣ. Но такихъ пунктовъ, какъ мы далѣе будемъ видѣть изъ самаго изложенія науки, очень довольно, и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ католическое и протестантское представленія явно не удовлетворяютъ столько же чисто-научнымъ требованіямъ, сколько и требованіямъ религіознаго чувства и православнаго убѣжденія. Такимъ образомъ новая постановка церковно-историческихъ фактовъ во многихъ пунктахъ требуется

самымъ существомъ дѣла, идеею науки, неудовлетворительностью развитія ея съ извѣстныхъ сторонъ въ духѣ католическихъ и протестантскихъ вѣроисповѣдныхъ началъ. И такое именно восполненіе односторонностей, исправленіе неправильностей, болѣе удовлетворительную постановку дѣла—церковно-историческая наука должна бы получить себѣ именно на православной почвѣ.

Истинно-православное пониманіе церковной исторіи по идеѣ своей должно быть самое научное, самое — такъ сказать — историческое пониманіе. Намъ, собственно говоря, довольно странно и стѣснительно такимъ образомъ заявлять о преимуществахъ православнаго направленія въ церковной исторіи предъ католическимъ и протестантскимъ, когда мы ничѣмъ почти въ дѣйствительности не можемъ наглядно оправдать своихъ словъ, когда у насъ въ православной наукѣ по изслѣдованію церковной исторіи нѣтъ и десятой доли того, что есть въ наукѣ католической и протестантской. Но мы должны это сдѣлать во имя истины,—должны сдѣлать не въ похвальбу, а болѣе въ осужденіе, въ укоръ себѣ. Мы должны, независимо отъ наличныхъ фактовъ научнаго развитія въ католическомъ, протестантскомъ и православномъ обществахъ, выяснить и оцѣнить разность самыхъ началъ церковно-историческаго пониманія въ православіи, католичествѣ и протестантствѣ. Въ католичествѣ и протестантствѣ не можетъ быть вполнѣ правильнаго пониманія церковной исторіи, — потому что тамъ нѣтъ правильнаго пониманія и чувства церковной жизни,—потому что тамъ порвана живая связь вселенскаго церковнаго преданія. Въ католичествѣ церковная жизнь слишкомъ подчинилась внѣшнему авторитету, и вмѣсто того, чтобы развиваться по началамъ вселенскаго церковнаго преданія, стала развиваться по началамъ преданія мѣстнаго, которому совершенно несправедливо усвоенъ западною іерархіею вселенскій авторитетъ. Тамъ не можетъ быть правильнаго пониманія исторической жизни, гдѣ эта жизнь измѣряется и освѣщается по мѣркѣ внѣшняго авторитета, или стягивается подъ узкія нор-

мы мѣстныхъ представленій и преданій. Въ протестантствѣ *также не можетъ быть вполнѣ правильнаго и твердаго пониманія* церковной исторіи,—потому что протестантство въ основаніи своемъ держится на субъективномъ, и потому нерѣдко произвольномъ, толкованіи основъ христіанства—коренныхъ началъ церковной жизни. Тамъ не можетъ быть правильнаго пониманія историческихъ фактовъ, гдѣ эти факты изслѣдуются и измѣряются по узкой мѣркѣ субъективнаго, позднѣе сложившагося представленія; субъективное по самому принципу своему пониманіе исторіи съ большимъ трудомъ можетъ входить въ духъ и значеніе другихъ историческихъ условій, другихъ мѣстныхъ и временныхъ вліяній и т. д. Католическое и протестантское начало не есть, строго говоря, начало историческое какъ въ развитіи церковной жизни, такъ и въ развитіи науки; такъ само католичество и протестантство въ основахъ своихъ есть отрѣшеніе отъ исторіи, разрывъ живаго вселенскаго преданія. Православное начало въ существѣ своемъ есть именно историческое начало для науки и жизни; потому что православіе въ его истинномъ смыслѣ есть не что иное, какъ живая исторія церкви, продолженіе вселенски-церковнаго преданія, живое сохраненіе и органическое развитіе существеннѣйшихъ началъ жизни церковной. Основаніе и существеннѣйшій признакъ православія въ жизни и наукѣ есть вѣрность историческому преданію—преданію не частному какому-либо, относящемуся къ извѣстному мѣсту и времени, а преданію вселенской церкви, обнимающей собою христіанство всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ,—преданію не безсознательно принимаемому, но непрестанно, съ тщательною критикою, какъ мы выше замѣчали, провѣряемому и раскрываемому живымъ церковнымъ сознаніемъ—по мѣрѣ его историческаго развитія въ данное время. Не есть ли также и историческая наука вообще въ основаніи и идеалѣ своемъ — живое и сознательное воспроизведеніе преданій жизни человѣчества, заключающихся какъ въ письменныхъ памятникахъ, такъ и въ устномъ словѣ, въ вещественныхъ слѣдахъ и остаткахъ прожи-

той жизни, въ складѣ мысли и языка, въ нравахъ и обычаяхъ народныхъ, во всей жизни человѣчества? Не совпадаютъ ли такимъ образомъ въ существѣ своемъ начала православія съ началами самой исторической науки?

Съ этой стороны, при всѣхъ своихъ незначительныхъ успѣхахъ въ области церковно историческаго изученія, мы православные уже и въ настоящее время не можемъ не чувствовать большихъ для себя удобствъ и преимуществъ въ этой области сравнительно съ изслѣдователями, находящимися подъ вліяніемъ другихъ вѣроисповѣдныхъ началъ и въ другой средѣ. Такъ напр. нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что пониманіе строя древне-вселенской церковной жизни можетъ даваться намъ гораздо легче, нежели протестантамъ и католикамъ. Кромѣ мертвыхъ археологическихъ и историческихъ памятниковъ, которыми мы можемъ пользоваться вмѣстѣ со всѣми другими изслѣдователями, намъ собственно въ объясненіи древняго строя церковной жизни помогаетъ живой бытъ — существующій строй нашей церкви, сохраняющійся въ существенныхъ чертахъ неизмѣннымъ съ древнихъ временъ. Что католическимъ ученымъ дается послѣ долгихъ изслѣдованій съ большимъ трудомъ, потому что у нихъ древній строй церковной жизни весьма измѣнился въ средніе вѣка, — что протестантскимъ ученымъ дается еще съ большимъ трудомъ, потому что у нихъ отъ этого строя и слѣдовъ совсѣмъ мало осталось, — намъ можетъ даваться легко, потому что мы въ нашемъ существующемъ церковномъ строѣ имѣемъ ближайшее пособіе къ уразумѣнію древняго церковнаго строя. Мы представить себѣ не можемъ, какихъ величайшихъ усилій и труднѣйшихъ изысканій стоитъ иногда западнымъ изслѣдователямъ объясненіе какого нибудь древняго обряда или церковнаго учрежденія, — между тѣмъ какъ у насъ этотъ обрядъ или учрежденіе доселѣ существуютъ въ церкви въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ они существовали въ древней церкви. Точно также намъ иногда легко бываетъ, безъ особенныхъ критическихъ изысканій, такъ-сказать непосредственнымъ цер-

ковнымъ смысломъ понять невѣрность постановки извѣстнаго историческаго факта въ западной наукѣ, — такъ какъ мы въ самой окружающей насъ жизни церковной имѣемъ важный критерій для повѣрки этого дѣла. Мы не говоримъ конечно, чтобы намъ поэтому изученіе древней церковной жизни не стоило никакого труда. Мы не говоримъ и того, чтобы намъ всегда можно было о древнемъ церковномъ строѣ заключать по существующему строю нашей церкви; въ иныхъ случаяхъ подобныя заключенія могутъ оказаться совершенно несостоятельны,—такъ какъ не во всемъ же до частныхъ и второстепенныхъ подробностей нашъ церковный строй представляетъ неизмѣнное подобіе древняго церковнаго строя. Но мы хотимъ только сказать, что мы въ своей православной церковной средѣ имѣемъ гораздо болѣе данныхъ къ объясненію древне-церковной жизни, нежели сколько ихъ можетъ найтись съ средѣ католической и протестантской. Точно также и въ самой западной исторіи католической и протестантской есть не мало такихъ пунктовъ, которые намъ православнымъ — съ точки зрѣнія вселенскаго церковнаго преданія — понять и объяснить правильно гораздо легче, чѣмъ западнымъ изслѣдователямъ, неспособнымъ вполнѣ отрѣшиться отъ своихъ односторонннихъ вѣроисповѣдныхъ пристрастій и предубѣжденій. Между католиками и протестантами доселѣ есть много старыхъ счетовъ и недоразумѣній, которые безпристрастно рѣшить гораздо удобнѣе намъ со стороны—съ православной точки зрѣнія. Напр. оцѣнить значеніе протестантской реформы XVI вѣка и ея замѣчательнѣйшихъ дѣятелей, точно также оцѣнить значеніе католической гильдебрандовской реформы XI вѣка, вполнѣ безпристрастно—доселѣ не могутъ какъ католическіе, такъ и протестантскіе писатели. Въ этомъ отношеніи положеніе православнаго историка, стоящаго внѣ страстной вѣроисповѣдной борьбы, такъ долго разыгрывавшейся на западѣ и доселѣ не утихшей вполнѣ, положеніе историка, не ощущающаго на себѣ и близъ себя послѣдствій и вліяній этой борьбы, гораздо благопріятнѣе для безпристрастнаго сужденія о дѣлѣ. Во внутрен-

немъ разумѣніи многихъ существенныхъ основъ христіанской вѣры и жизни, въ воззрѣніяхъ на нѣкоторые догматы и основныя учрежденія церкви, между католическими и протестантскими богословами и историками существуютъ неразрѣшимыя недоразумѣнія и противорѣчія — потому именно, что какъ тѣ, такъ и другіе относятся къ дѣлу односторонне, берутъ во вниманіе и исключительно развиваютъ одну, наиболѣе подходящую къ ихъ вѣроисповѣднымъ принципамъ сторону дѣла, а другую не только оставляютъ безъ развитія, но и совершенно отрицаютъ во имя принятой односторонней точки зрѣнія. Вслѣдствіе этого католическое и протестантское пониманія исторіи по многимъ пунктамъ представляются взаимно-противоположными крайностями, односторонними и потому несправедливымъ отрицаніемъ другъ друга. Въ православномъ воззрѣніи, держащемся на почвѣ древняго вселенскаго преданія, многія изъ этихъ крайностей разрѣшаются и примиряются потому, что здѣсь основы церковной жизни, изъ-за которыхъ идетъ разномысліе между католичествомъ и протестантствомъ, сохраняются полнѣе и цѣльнѣе. Во всякомъ болѣе полномъ и цѣльномъ воззрѣніи удобнѣе разрѣшаются и примиряются воззрѣнія неполныя и односторонніе. Съ этой стороны намъ православнымъ всего удобнѣе быть безпристрастными посредниками и рѣшителями дѣла въ вѣковыхъ спорахъ западной богословской науки и самой исторической жизни о значеніи вѣры и добрыхъ дѣлъ въ оправданіи человѣка, о значеніи преданія въ жизни церковной, объ отношеніи личной христіанской свободы къ церковному авторитету, о значеніи іерархіи въ церкви, объ отношеніи божественной благодати и предвѣчнаго предопредѣленія къ свободной дѣятельности людей, о значеніи таинствъ, обрядовъ, аскетизма, о почитаніи святыхъ и т. д....

Это по временамъ какъбы невольно вынуждаются сознавать и сами западные богословы и историки. Въ послѣднее время среди идущихъ на западѣ толковъ о сближеніи разномыслящихъ христіанскихъ обществъ и соединеніи церквей — не разъ заявляемо было, что такое сближеніе можетъ совершиться при

посредствѣ православной церкви, на почвѣ православнаго восточнаго воззрѣнія. Вообще, при всѣхъ доселѣ существовавшихъ на западѣ предубѣжденіяхъ противъ восточной церкви, тамъ мало-по-малу распространяется убѣжденіе, что въ восточной церкви гораздо цѣльнѣе и тверже, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ обществахъ, сохраняется древній строй церковной жизни,—и она поэтому всего лучше можетъ быть если не живою свидѣтельницею древняго преданія,— что еще немногіе на западѣ признаютъ,— то по крайней мѣрѣ мертвымъ археологическимъ памятникомъ его, какъ нерѣдко тамъ выражаются. Съ другой стороны, многіе западные богословы и историки нерѣдко даютъ невольное свидѣтельство въ пользу нашего православнаго воззрѣнія самымъ дѣломъ — тѣмъ, что они, независимо отъ всякихъ намѣренныхъ стремленій къ православію, отъ всякаго сознательнаго сочувствія къ нему, сами собою, путемъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія приходятъ къ такимъ результатамъ и идеямъ, какихъ мы по преданію нашей церкви держимся относительно разныхъ богословскихъ и церковно-историческихъ вопросовъ. Такъ напр. въ вопросѣ о значеніи папской власти въ церкви въ новѣйшее время съ одной стороны умѣреннѣйшіе католики, съ другой стороны умѣреннѣйшіе протестанты, послѣ разныхъ крайностей, все болѣе и болѣе приходятъ къ такому взгляду, какой издавна держался въ восточной церкви, что папство не есть непосредственно Самимъ Христомъ учрежденное главенство въ церкви, но не есть также и антихристово созданіе, а есть одно изъ древнихъ іерархическихъ учрежденій, силою особенныхъ благопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, и отчасти силою повсюдно распространеннаго въ средніе вѣка невѣжества и произвола, развившаяся до крайней, ненормальной степени. Точно также не мало можно указать въ наше время между протестантскими учеными такихъ, которые напр. по вопросамъ о значеніи преданія въ жизни церковной, объ авторитетѣ древнихъ учителей церкви, объ іерархіи, о таинствахъ, о почитаніи святыхъ и т. д. весьма близко уже подходятъ къ пра-

вославному воззрѣнію, — такъ что если сравнить что нынѣ говорится между протестантами объ этихъ предметахъ съ тѣмъ, что говорилось у нихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, оказалось бы, что многіе изъ представителей нынѣшняго протестантства по своимъ воззрѣніямъ стоятъ ближе къ православію, нежели къ первоначальному протестантству. Точно тоже можно сказать и о католическихъ воззрѣніяхъ по спорнымъ вопросамъ между восточною и западною церковію. Многіе изъ католическихъ писателей новѣйшаго времени въ своихъ воззрѣніяхъ ближе стоятъ къ намъ, нежели къ своимъ предшественникамъ XII и XIII столѣтій. Чтобы слова наши не показались натяжкою и преувеличеніемъ, мы должны оговориться, что мы конечно здѣсь разумѣемъ не всѣхъ и пожалуй не большинство католическихъ и протестантскихъ богослововъ и церковныхъ историковъ. Въ католической и протестантской богословской наукѣ позднѣйшаго времени болѣе, чѣмъ когда-нибудь, обнаруживается раздѣленіе. Между тѣмъ, какъ одни все дальше и дальше удаляются отъ основъ христіанскихъ въ крайности ультрамонтанизма въ католичествѣ или неограниченнаго раціонализма въ протестантствѣ, другіе все болѣе и болѣе обращаются къ основамъ древне-вселенской церковной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ сближаются съ нашимъ православнымъ воззрѣніемъ. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ направленіи многіе изъ западныхъ ученыхъ, сами того не замѣчая, безъ всякихъ намѣренныхъ соглашеній съ нами, путемъ самостоятельныхъ изслѣдованій, приходятъ къ тѣмъ результатамъ, какихъ мы по преданію держимся,—и такимъ образомъ являются намъ пособниками и возбудителями въ выработкѣ самостоятельнаго православнаго направленія богословской и церковно-исторической науки. Развитіе этого самостоятельнаго направленія въ нашей наукѣ не есть такимъ образомъ какая-либо ученая прихоть, выходящая только изъ самолюбія и тщеславія или изъ упорства — «мы-де не хочемъ, считаемъ для себя неприличнымъ идти по чужимъ слѣдамъ,» — но есть необходимость, вызываемая самымъ существомъ дѣла,

потребностями самой науки. Доселѣ развивавшіяся главныя направленія въ богословской и церковно-исторической наукѣ сами свидѣтельствуютъ о своей односторонности, отрѣшаются отъ своихъ основъ, и въ лучшихъ своихъ представителяхъ приходятъ къ сознанію необходимости новой постановки дѣла, именно такой, какая требуется существомъ православнаго воззрѣнія. Православное воззрѣніе въ богословской и церковно-исторической наукѣ является такимъ образомъ—ступенью, къ которой естественно приходитъ доселѣшнее развитіе науки подъ вліяніемъ католическихъ и протестантскихъ вѣроисповѣдныхъ началъ. Это воззрѣніе, по существу своему держащееся на почвѣ вселенскаго церковнаго преданія, не должно вносить въ науку новыхъ вѣроисповѣдныхъ односторонностей и пристрастій, а должно именно отрѣшить ее отъ прежнихъ односторонностей и пристрастій, поставить на вѣрную и твердую научно-историческую, и вмѣстѣ съ тѣмъ вселенски-церковную почву.

Но раскрывая все это, говоря о преимуществахъ православнаго церковно-историческаго воззрѣнія въ его идеѣ предъ католическимъ и протестантскимъ, мы, опять скажемъ, не похвалу себѣ читаемъ, а обличеніе и осужденіе. Мы храпимъ живое преданіе христіанской исторіи. Мы находимся въ благопріятнѣйшихъ условіяхъ къ попиманію ея фактовъ. Мы, по самому существу и положенію нашей церковной жизни, стоимъ на высотѣ церковно-исторической задачи. Мы можемъ пользоваться богатѣйшими матеріалами и пособіями для разъясненія церковной исторіи, приготовленными въ западной наукѣ, не подчиняясь односторонностямъ западныхъ вѣроисповѣдныхъ воззрѣній. Въ пользу нашего православнаго воззрѣнія на церковную исторію работаютъ, какъ мы сказали, нерѣдко сами того не сознавая, и многіе католическіе и протестантскіе ученые... Намъ остается правильно пользоваться ихъ трудами, прибавляя къ нимъ возможное по нашимъ силамъ. И между тѣмъ у насъ по церковной исторіи не сдѣлано и десятой доли того, что сдѣлано на западѣ. Отчего?.. Отчего

мы и по другимъ наукамъ, и по многимъ сторонамъ нашего общественнаго развитія отстаемъ отъ запада? Часть отвѣта на этотъ вопросъ мы можемъ найти и въ самой церковной исторіи нашей послѣднихъ вѣковъ, а другая часть его находится въ совокупности всѣхъ историческихъ условій жизни православнаго востока за послѣднее тысячелѣтіе... Но какъ ни бѣдны мы въ настоящее время наличнымъ духовнымъ достояніемъ, какъ ни мало сдѣлали доселѣ на поприщѣ научнаго и общественнаго развитія, мы по крайней мѣрѣ не должны быть невнимательны къ тѣмъ залогамъ будущаго развитія, которые есть у насъ даже по невольному сознанію чужихъ намъ людей, самыхъ противниковъ нашихъ,—и которые въ сферѣ науки и жизни церковной по преимуществу заключаются въ нашей искренней и нелицемѣрной, хотя можетъ быть и не довольно пока осмысленной, вѣрности древнему вселенскому преданію—въ нашемъ православіи. Обладаніе этими залогами должно возбуждать насъ между прочимъ въ области церковно историческаго изученія къ болѣе живой дѣятельности подъ вѣрнымъ руководствомъ православныхъ началъ....

Но употребляя слова «православное направленіе, православныя начала въ церковно-исторической наукѣ,» мы еще разъ должны оговориться. Хотя мы выше уже и объяснили, что подъ этими словами мы не разумѣемъ ничего противно-научнаго, напротивъ истинно-православныя требованія въ дѣлѣ историческаго изученія понимаемъ какъ истинно-научныя требованія, но тѣмъ не менѣе мы должны сознаться, что этими словами очень можно злоупотреблять во вредъ наукѣ и самому православію, и на самомъ дѣлѣ нерѣдко ими злоупотребляютъ. Противъ этихъ злоупотребленій и искаженій исторической науки, прикрываемыхъ идеею православія, мы должны произнести рѣшительное отрицаніе и протестъ, какъ противъ такого пониманія идеи православія, которое совершенно несогласно съ нашимъ представленіемъ. Такъ подъ православнымъ направленіемъ въ наукѣ и жизни мы вовсе не разумѣемъ того безжизненнаго и затхлаго направленія, которое идеею православ-

вія старается прикрывать только приверженность къ рутинѣ и застою, которое сущность православія поставляетъ въ точнѣйшемъ механическомъ соблюденіи внѣшнихъ формъ древне-церковной жизни, безъ вниманія къ внутреннимъ началамъ ея—къ духу живаго развитія и свободы. Православіе должно быть началомъ жизни, а не смерти,—живаго органическаго развитія, а не застоя и оцѣпенѣнія... Сущность православія не въ буквѣ, а въ духѣ,—не во внѣшнихъ формахъ, а въ существенныхъ внутреннихъ началахъ вселенски-церковной жизни. Древнія формы церковной жизни почтенны и дороги намъ, какъ прекрасныя выраженія христіанскихъ идей, завѣщанныя лучшими вѣками христіанской исторіи, но ими не должно стѣсняться свободное развитіе церковной жизни. Христова церковь, въ силу всегда пребывающей и дѣйствующей въ ней благодати Духа Святаго, можетъ во время благопотребное создавать себѣ и новыя формы для выраженія своихъ внутреннихъ началъ — примѣнительно къ новымъ потребностямъ мѣста и времени... Точно также никакъ нельзя назвать истинно-православнымъ направленіемъ того узкаго, мелочнаго и фальшиваго направленія въ церковно-исторической наукѣ, которое въ древней церковной жизни только старается выискивать и механически подбирать факты и свидѣтельства для оправданія современнаго церковнаго строя—не только въ существенныхъ, но и во второстепенныхъ его чертахъ, въ самыхъ искаженіяхъ, — имѣя при этомъ иногда въ виду какія-нибудь частныя цѣли и интересы школьные, сословные, государственные или іерархическіе... Это вовсе не подходитъ къ православному началу — идеалъ вселенски-церковной жизни съуживать по мѣркѣ мѣстнаго церковнаго пониманія, всю исторію церкви подводить подъ іерархическую точку зрѣнія, клерикальнымъ интересамъ приносить въ жертву истину и науку и прямое искреннее отношеніе къ древнимъ преданіямъ церковнымъ... Это вовсе не православный принципъ смотрѣть на всю древнюю исторію церкви подъ угломъ современнаго церковнаго развитія, и находить въ ней только то, что намъ нравится, и что намъ нужно. Мы должны знать, что въ нашей со-

временной церковной жизни, кромѣ вѣрности ея древнему церковному строю въ существенныхъ основахъ, которая при безпристрастномъ изслѣдованіи исторіи оказывается сама собою безъ всякихъ искусственныхъ натяжекъ и фальшивыхъ подборовъ, есть же много и такихъ частностей, которыя сложились позднѣе, и сложились подъ вліяніемъ обстоятельствъ, далеко не во всемъ благопріятныхъ для правильнаго развитія церковной жизни. Этихъ послѣднихъ частностей намъ вовсе не слѣдуетъ во имя православія возводить ко временамъ апостоловъ и вселенскихъ соборовъ, вознося такимъ образомъ не свойственную православію клевету на апостольскую и древне-вселенскую церковь. Равнымъ образомъ и въ древней церковной жизни, кромѣ существенныхъ ея основъ, было также не мало частностей, имѣвшихъ мѣстное и временное значеніе, которыя нельзя ставить неизмѣнною нормою для позднѣйшаго развитія церковной жизни. Православное направленіе въ наукѣ вовсе также не состоитъ въ самовосхваленіи, въ составленіи однихъ панегириковъ своей мѣстной церкви, въ изображеніи однихъ свѣтлыхъ сторонъ и фактовъ ея жизни, даже въ выдумываніи такихъ тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ не находится, и обратно въ утаиваніи или прикрашиваніи того, что составляло неприглядную сторону въ нашей церковной жизни. При всей нашей сыновней преданности и глубокомъ уваженіи къ своей церкви, мы должны быть безпристрастны въ изображеніи ея исторіи—должны безпристрастно раскрывать не только свѣтлыя стороны нашей церковной жизни, но и ея недостатки. Сознаніе этихъ недостатковъ должно быть въ насъ тѣмъ живѣе, чѣмъ искреннѣе самое желаніе освободиться отъ нихъ и видѣть нашу церковную жизнь наиболѣе чистою, свѣтлою, совершенною, наиболѣе соотвѣтствующею высокому идеалу православія. Мы должны отдавать должную справедливость нашей церкви за все то, что составляетъ ея дѣйствительное достоинство и заслугу—напр. за ея вѣрность православію, за ея чисто духовный, чуждый мірскихъ притязаній и властолюбивыхъ стремленій характеръ,—за ея искреннее и жи-

вое участіе къ народнымъ нуждамъ и бѣдствіямъ, преимущественно въ наиболѣе тяжкія эпохи народной жизни. Но мы не должны ни отрицать, ни оправдывать того, въ чемъ обнаруживается дѣйствительный недостатокъ нашей церковной жизни—напр. слабости миссіонерской дѣятельности, грубости религіозныхъ понятій въ народной массѣ, отсталости богословской науки, слабости живой проповѣди, слабости нравственнаго вліянія церкви на общество, общественнаго равнодушія къ дѣламъ церковнымъ, недостатка надлежащей свободы и энергіи въ развитіи жизни церковной и т. д. Безпристрастные по отношенію къ своей церкви, мы должны быть также безпристрастны по отношенію и ко всѣмъ другимъ христіанскимъ обществамъ. Какъ въ жизни своей церкви мы не должны выставлять на видъ и преувеличивать однѣ свѣтлыя стороны, такъ и въ жизни другихъ церквей мы не должны выставлять на видъ и преувеличивать однѣ темныя и слабыя стороны. Мы должны помнить, что во всѣхъ христіанскихъ обществахъ, при всей односторонности и искаженности ихъ частныхъ вѣроисповѣдныхъ началъ, лежатъ въ основѣ жизни общія христіанскія начала, и можетъ случаться иногда по особеннымъ историческимъ условіямъ, что извѣстныя черты высшаго христіанскаго идеала могутъ въ извѣстное время яснѣе и живѣе раскрываться въ жизни неправославныхъ христіанскихъ обществъ, чѣмъ въ жизни православной церкви. Мы не должны также забывать и того, что многіе изъ результатовъ и плодовъ христіанской науки и жизни, развивающихся въ неправославныхъ обществахъ, имѣютъ большое значеніе и для нашей православной церкви. Мы должны почитать и любить все доброе, чистое, свѣтлое, высокое,—и должны безпристрастно раскрывать все недоброе и несвѣтлое, гдѣ бы то и другое ни проявлялось. Таковы должны быть существенныя черты истинно-православнаго направленія въ церковно-исторической наукѣ!... Таковъ нашъ религіозно-научный идеалъ! Какъ то прійдется намъ осуществить этотъ идеалъ въ частныхъ примѣненіяхъ къ дан-

нымъ науки, мы не можемъ ручаться за то заранѣе; но мы по крайней мѣрѣ считали своимъ долгомъ начертать его предъ собой и раскрыть предъ своими слушателями при самомъ началѣ своей преподавательской дѣятельности въ высшемъ курсѣ университетскаго образованія.

Въ заключеніе мы просимъ извиненія у нашихъ уважаемыхъ слушателей въ томъ, что такъ долго задерживали ихъ вниманіе на общихъ мыслях, не приступая къ изслѣдованію самого церковно-историческаго матеріала. Такъ какъ мы своими настоящими лекціями не только открываемъ начало годоваго курса, но и полагаемъ вообще начало преподаванію новаго предмета на университетской каѳедрѣ (въ здѣшнемъ университетѣ),—то намъ и казалось не лишнимъ высказать предварительно, какихъ взглядовъ и пріемовъ мы желали бы держаться при изложеніи своей науки.

Сентябрь 1872 года.